ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Цена 30 коп.

Литературная газета

Воскресенье, 26 сентября 1937 г.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР.

№ 52 (688)

Шире подготовку к выборам в Верховный Совет СССР!

Приближается событие огромной важности в политической жизни нашей страны — выборы в Верховный Совет СССР. Рабочие, колхозники, служащие, красноармейцы, советская интеллигенция готовятся к выборам верховного органа власти, изучая Сталинскую Конституцию и Избирательный закон. С огромным интересом трудящиеся занимаются в тысячах кружков, глубоко осваивая принципы советской социалистической демократии, тщательно изучая порядок и технику выборов. В процессе подготовки к выборам растут политическая активность и зрелость народных масс.

Подготовка к выборам неразрывно связана с подготовкой к радостному празднику советского народа — двадцатилетию Великой социалистической революции в СССР. Сталинская Конституция — замечательный итог победы социализма в нашей стране, она — «завоеванное и записанное» в результате отважной борьбы рабочих и крестьян, руководимых партией Ленина—Сталина, за построение социалистического общества. Готовясь к выборам в Верховный Совет, трудящиеся обозревают пройденный ими путь, славный путь двадцатилетней борьбы, приведшей к победе над эксплоататорами, к творчески-радостной и счастливой жизни в свободной стране.

Задача активной пропаганды Конституции и Избирательного закона, ознакомления всех без исключения трудящихся с порядком и техникой выборов — основная задача всей партийной и политико-просветительной работы. Каждый избиратель в нашей стране должен исчерпывающе знать эти важнейшие политические документы эпохи для того, чтобы активно, сознательно участвовать в голосовании, понимая всю важность и ответственность этого момента в своей политической жизни.

Миллионы советских людей, борцов и деятелей социализма, идущие к избирательным урнам, должны быть готовы и к тому, чтобы дать отпор проискам гнусных врагов социализма, которые всячески стараются усилить свою «работу» в период подготовки к выборам и самих выборов. Остатки разбитых эксплоататорских классов, остатки меньшевистско-эсеровской контрреволюции, троцкистско-бухаринские наймиты фашизма, буржуазные националисты, попы — вся эта контрреволюционная мразь пытается и будет пытаться вредить нам в ходе подготовки к выборам и самой избирательной кампании. Эти гнусные людишки будут разоблачены и разгромлены советским народом, вооруженным большевистской бдительностью, сплоченным вокруг партии Ленина — Сталина, готовым к защите великой страны социалистической демократии!

В работе по подготовке к выборам в Верховный Совет выковываются новые кадры партийных и беспартийных активистов из рабочих, колхозников, служащих, учителей, врачей и т. п., политически-сознательных и квалифицированных людей, помощников партии и правительства в проведении избирательной кампании. Они пополняют ряды лучших агитаторов и пропагандистов, умеющих просто и понятно рассказать о победах социализма, о задачах советского народа в избирательной кампании. Они помогают бороться с недостатками в работе советов, в постановке массовой работы партийных и советских организаций. Надо всеми мерами стремиться к увеличению числа таких помощников партии и правительства, к выращиванию новых кадров активистов — участников подготовки к выборам и самой избирательной кампании. В каждом кружке по изучению Конституции и нового избирательного закона есть такие люди — надо помочь их росту, их учебе, привлечь их к активной работе.

Надо прямо сказать, что подготовка к выборам во многих партийных организациях писателей и правлениях ССП идет совершенно неудовлетворительно. Плохой пример подают здесь московская парторганизация писателей и правление ССП СССР, только в последние дни начавшие «думать» по этому поводу. До настоящей, широко поставленной работы здесь еще дело не дошло. Такое же положение в Ленинграде. Совсем ничего не делается в Минске. Между тем время не ждет. Задачи подготовки писательских организаций к выборам весьма обширны, и никакое промедление в решении их недопустимо.

Надо прежде всего добиться широкого охвата писателей кружками по изучению Конституции и Избирательного закона. Ссылки на то, что писатели, мол, могут индивидуально, без организации кружков изучить эти документы партии, надо отбросить, как оппортунистическую болтовню. Десятки фактов свидетельствуют о громадном интересе писателей, особенно писательской молодежи, к изучению принципов Сталинской Конституции и Избирательного закона, и желании коллективно работать над их изучением. Нет нужды говорить о том, что эта работа неразрывно связана с творческой деятельностью каждого писателя. Здесь, в кружках, руководящие органы ССП смогут выявить кадры политически проверенных, преданных партии и советской власти писателей, которые могут и должны быть привлечены к широкому участию в агитационно-пропагандистской работе по подготовке к выборам и в избирательной кампании. Надо обеспечить кружкам квалифицированное, ответственное руководство, поставить кружки в центр внимания партийных комитетов и партгрупп правлений ССП. Первый робкий опыт московских писательских организаций, выделивших небольшую пока группу писателей для агитационной работы по подготовке к выборам, должен быть расширен и введен в практику всех писательских организаций. И в этом деле решающую роль сыграет развертывание кружков по изучению Конституции и Избирательного закона: здесь можно будет выявить и отобрать политически-проверенных и способных людей.

Другая задача писательских организаций — привлечение писателей к творческой работе по подготовке к выборам. Оперативный художественный очерк, рассказ, стихи, песня, агитационная частушка, фельетон, подпись к плакату, боевая листовка — вот огромное поле приложения сил литераторов. Правления ССП СССР и республиканских организаций не должны пассивно выжидать, пока кто-то призовет их к этой работе, даст заказы. Секциям поэтов, драматургов, прозаиков, редакциям журналов и газет ССП необходимо немедленно созвать писателей и конкретно договориться о выполняемой каждым работе. Нужно организовать широкий поток новых произведений различных жанров, произведений, которые помогали бы партийным и советским организациям в деле подготовки и проведения избирательной кампании, вдохновляли и просвещали трудящиеся массы, громили врагов.

Времени осталось немного. Подготовка к выборам в Верховный Совет должна стать основой деятельности всех писательских организаций, главным содержанием их политической работы.

Конкурс мастеров художественного чтения

Московские чтецы готовятся к празднованию двадцатилетия Великой Октябрьской социалистической революции. Об'явленный Всесоюзным комитетом по делам искусств конкурс на лучшее исполнение художественных произведений, посвященных двадцатилетию советской власти, привлек внимание всех мастеров художественного чтения.

Секция мастеров художественного слова Всероссийского театрального общества организовала в помощь московским чтецам специальную консультацию, для проведения которой привлечены крупнейшие московские артисты и специалисты по преподаванию художественного чтения. Консультации начнутся 1 октября.

В. ЛУГОВСКОЙ

Шанхай

Ни шагу дальше!
Дым и гром
ложатся на Шанхай,
Несется лай японских жерл,
стальной,
угрюмый лай.
Они хрипя плывут в Усун,
пылает неба край —
Ни шагу дальше!
Жив Шанхай!
Борись и побеждай!
Пришла война,
пришла пора
помериться в бою.
Чапей горит,
горит Путун,
шумя горит Хонкью,
Но в этом золотом огне,
в громах воздушных стай —
Ни шагу дальше!
Жив Шанхай!
Борись и побеждай!
Ты прежде видела,
Янцзы,
великая река,
Тайпинский меч
и грозный взмах
«Большого Кулака»
Тот, кто не хочет быть рабом —
готовься и вставай: —
Ни шагу дальше!
Жив Шанхай?
Окровавлен Шанхай!
Приходит год твоей судьбы —
великий,
страшный год,
И восемьсот мильонов рук
простер к нему народ.
За пулеметы и рули!
Орудья заряжай!
Ни шагу дальше!
Жив Шанхай!
Неукротим Шанхай!
Бывает миг,
когда страна
до дна потрясена,
Из всех сердец
встает война,
священная война.
Народ солдату говорит:
«меня не предавай!»
Ни шагу дальше!
Жив Шанхай!
Погибни за Шанхай!
От севера
на знойный юг
летит зловещий смерч,
За ним
японские штыки
несут позор и смерть.
Танкисты, летчики, стрелки, —
бессилен самурай,
Пока вы держите Шанхай
и бьетесь за Шанхай.
Пять тысяч лет
живет народ —
трудолюбив, умен,
Он хочет сдвинуться
в полки
под сень своих знамен.
Так быть тебе
или не быть —
мужайся и решай: —
В огне Шанхай!
В крови Шанхай!
Несокрушим Шанхай!

Снова стягами победы
Площадь Красная полна;
Снова песнями воспеты
Дорогие имена.

Что же время протрубило?
Чем приветствуем зарю?
Двадцать лет сегодня било
Боевому Октябрю!

И народ плывет, как лебедь...
И сквозь лозунги побед
Раздается чей-то лепет:
«— Маме
тоже
двадцать
лет».

ИЛЬЯ СЕЛЬВИНСКИЙ.

Плакат художника **Н. Жукова** со стихами И. Сельвинского из серии, выпускаемой Изогизом к 20-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Навстречу 20-летию Великой пролетарской революции

Юбилейный репертуар театров СССР

Близится торжественная дата двадцатилетия Великой пролетарской социалистической революции.

Деятельно готовятся к 7 ноября театры Советского Союза, юбилейные постановки которых явятся творческим отчетом советскому зрителю.

★

Четырнадцать театров Страны Советов ставят 7 ноября пьесу К. Тренева **«На берегу Невы»**, отражающую общественно-политическую обстановку, идейную диференциацию и умонастроения людей в период между Февралем и Октябрем 1917 года.

Десять театров остановили свой выбор на пьесе Н. Вирта **«Земля»**, тема которой — борьба с эсеровской контрреволюцией на Тамбовщине.

Театры Ленинграда, Одессы, Харькова, Кирова, Челябинска и других городов готовят пьесу Ю. Яновского **«Дума о Британке»**, посвященную эпохе гражданской войны на Украине.

Еврейские театры Москвы, Киева, Одессы, Баку, Минска, Ташкента, Биробиджана покажут пьесу П. Маркиша **«Семья Овадис»**.

Детские театры страны избрали для юбилейного спектакля пьесы — В. Катаева **«Белеет парус одинокий»**, А. Бруштейн **«Нас семеро»** и инсценировку романа Н. Островского **«Как закалялась сталь»**.

В азербайджанском, казахском, туркменском театрах, в театрах Владивостока, Саранска, Симферополя и др. пойдет пьеса Тренева **«Любовь Яровая»**.

В юбилейный репертуар театры страны включили также пьесу Корнейчука **«Правда»**, **«Баку»** Н. Никитина, **«Актеры»** В. Каверина, **«Беспокойная старость»** Рахманова, **«Очная ставка»** Шейнина и братьев Тур, а также пьесу В. Биль-Белоцерковского **«Шторм»**.

Почти все перечисленные пьесы появятся на сценах московских театров.

Пьесу К. Тренева «На берегу Невы», в постановке Хохлова, покажет Государственный Малый театр.

Театр им. Вахтангова покажет 7 ноября пьесу Н. Погодина «Человек с ружьем». Это пьеса о Ленине. В основу ее был положен эпизод, рассказанный товарищем Лениным во время его доклада на III Всероссийском с'езде советов 24(11) января 1918 г.

Вот этот эпизод:

«Я позволю себе рассказать один происшедший со мной случай. Дело было в вагоне Финляндской железной дороги, где мне пришлось слышать разговор между несколькими финнами и одной старушкой. Я не мог принимать участия в разговоре, так как не знал финского языка, но ко мне обратился один финн и сказал: «Знаете, какую оригинальную вещь сказала эта старуха? Она сказала: теперь не надо бояться человека с ружьем. Когда я была в лесу, мне встретился человек с ружьем, и вместо того, чтобы отнять от меня мой хворост, он еще прибавил мне». **(Ленин, т. XXII).**

— Надо ли говорить о том, — сообщил нам Н. Погодин, — что главная трудность в работе над пьесой заключалась в создании образа Ленина. Свою работу я строил вначале на мемуарных материалах. Ленин вставал из воспоминаний чутким, отзывчивым, добрым человеком, необычайно внимательным к людям. Я постарался вложить эти черты в мой образ Ленина, но должен признать, что он получился у меня несколько односторонним, обедненным. Тогда, по совету директора Музея Ленина т. Н. Н. Рабичева, я обратился к документам, письмам, описаниям фактов и к другим материалам, хранящимся в музее. Они помогли мне по-новому раскрыть образ Ленина, сделать его более сложным и многогранным, чем он получился у меня первоначально. Железная воля, непримиримость, беспощадность к врагу, ко всему, что вредило революции, — вот те черты, без которых немыслим художественный образ, претендующий хотя бы на отдаленное сходство с вождем мирового пролетариата.

Роль Ленина в пьесе Погодина, как известно, играет народный артист СССР Б. В. Щукин. Ставит пьесу заслуженный артист Р. Н. Симонов.

★

«Дума о Британке» Ю. Яновского пойдей в Камерном театре в постановке народного артиста республики А. Я. Таирова. Оформление «Думы о Британке» поручено молодым украинским художникам Е. К. Коваленко и В. С. Кривошеиной.

Параллельно с «Думой о Британке» театр готовит пьесу «Кочубей» по одноименному роману А. Первенцева, в переделке автора и Н. Охлопкова. Эта пьеса будет показана также в праздничные дни. Ставит ее Н. Охлопков.

Над пьесой А. Корнейчука «Правда» работает Московский театр революции.

Ставит спектакль заслуженный деятель искусств Н. В. Петров. Художник спектакля — Ф. Кондратов.

Театр имени МОСПС ставит пьесу Н. Никитина **«Апшеронская ночь»** («Баку»). Задача театра — показать взятие Баку восставшим бакинским пролетариатом и Красной Армией.

Ставит «Апшеронскую ночь» народный артист РСФСР Е. О. Любимов-Ланской.

— В этой постановке, — говорит он, — театр продолжает поиски стиля современного романтического спектакля, способного отобразить героические события великой эпохи.

Театр им. МОСПС соревнуется с московским Театром революции.

В спектакле, даже в самых маленьких ролях, заняты лучшие артисты труппы.

Художник спектакля — Б. Волков, композитор — В. Белый.

В президиуме правления ССП

Вчера открылось очередное заседание правления союза советских писателей. На заседании присутствуют представители Украины, Белоруссии, Ленинграда, Калмыкии, Мордовской АССР, Республики Коми, Республики Немцев Поволжья, Дальнего Востока и других местных организаций, а также актив московской организации.

Первым на повестке дня президиума стоял вопрос о приеме новых членов и кандидатов по Москве и Ленинграду. Однако, как выяснилось, ни Москва, ни Ленинград не подготовили этого вопроса. Представители Ленинграда еще на прошлом заседании заявляли, что у них подготовлен вопрос о двадцати кандидатах, однако доклад Ленинграда о приеме новых членов оказался неготовым и к настоящему заседанию.

Не сумели подготовить докладов о приеме новых членов и кандидатов по Москве и тт. Фадеев, Павленко и Сурков, которым это было поручено.

Персонально, вне доклада организаций, приняты в члены союза тт. Сергей Михалков, Василий Гроссман, Виктор Гроссман, и Илья Френкель.

Предложенная кандидатура очеркиста Леонида Карпова в члены союза была отвергнута, в связи с невыявленностью его творческого лица.

Президиуму пришлось констатировать невыполнение и другого задания, данного им на предшествующем заседании, задания об организации секции прозаиков. Тт. Фадееву и Павленко предложено ускорить реализацию этого задания.

Далее президиум приступил к обсуждению вопроса о песенном жанре. С докладом выступил т. Демьян Бедный. Обсуждение вопроса было перенесено на вечернее заседание.

На утреннем заседании выступили по этому вопросу поэты В. Гусев и Лебедев-Кумач. Подробный отчет о заседании президиума будет дан в след. номере газеты.

Дневник «Литературной газеты»

С глубокой радостью, с чувством искреннего удовлетворения встретят народные массы Советского Союза постановление правительства о награждении Малого Театра и его выдающихся деятелей орденами и о присвоении ряду его работников звания народного артиста СССР, народного артиста РСФСР и заслуженного артиста республики.

Этим актом советское правительство еще и еще раз продемонстрировало всю меру уважения, которым пользуются в нашей стране люди, продолжающие в своей творческой деятельности славные, героические традиции великого русского искусства и высоко несущие знамя искусства социализма.

С неистовой страстностью ополчались актеры Малого Театра, начиная от могучего Щепкина и продолжая его бессмертными наследниками — Садовским, Рыбаковым, Ермоловой, Федотовой, Южиным, Ленским и др., — против дешевого штукарства на сцене, против ползучего серого натурализма, против формалистического пустозвонства и кривлянья, против бездушного, ограниченного «профессионализма».

«Наши сердца пламенели жаждой подвига, стремлением к свободе и братству»,—пишет в своих воспоминаниях народная артистка СССР А. Яблочкина.

И это — не слова. «Жажда подвига, стремление к свободе и братству» и определили тот факт, что Малый Театр сумел еще в прошлом веке стать театром величайшей русской и мировой драматургии, вопреки тупой репертуарной политике императорских «охранителей», и на подмостках Малого Театра ожили великие образы Шекспира, Шиллера, Лопе де-Вега ,Гюго и других классиков, будившие ненависть к самодержавному гнету, окрылявшие радостной надеждой на лучшее будущее, призывавшие к действию.

Особенно велики и неоценимы заслуги Малого Театра перед русской литературой, перед русской драматургией. Имена Грибоедова, Гоголя, Островского, Льва Толстого, Сухово-Кобылина неразрывно связаны с именем Малого Театра, неустанно пропагандировавшего творчество этих гигантов.

Всякие леваки и оппортунисты, Иваны Безродные и просто предатели типа Бухарина, которые рады делать все, что может обеднить революционный пролетариат, отстаивали одно время мысль о необходимости ликвидации Малого Театра, как, впрочем, и других культурных и художественных организаций, возникших до революции. Партия и правительство с презрением отвергли домогательства этих людишек, якобы заботившихся о чистоте пролетарской идеологии. Еще в 1920 году А. В. Луначарский, осуществлявший по прямой директиве Ленина политику самой бережной защиты всех культурных богатств, доставшихся пролетариатру-победителю, дал отпор проискам врагов.

Не замедлил дать ответ нигилистам и разрушителям культуры всей своей послереволюционной практикой и сам Малый Театр. Коллектив его понял, что только в служении народу, ставшему хозяином страны, он найдет выход из того идейного и художественного тупика, в который по признаниям лучших его представителей, его уже почти загнала «опека» царских чиновников вроде Теляковского (директор императорских театров). Малый Театр радостно рванулся навстречу освежающему ветру революции.

На этом пути Малый Театр одержал не одну победу. Наиболее яркой из них является, безусловно, «Любовь Яровая», спектакль, насыщенный подлинным пафосом революции и поэтому дольше многих других советских спектаклей выдержавший проверку времени. На новом этапе своего развития коллектив Малого театра верно продолжает осуществлять великие традиции своего прошлого, и, вместе с тем, он неразрывно связан с современностью, он активно участвует в жизни и борьбе социалистического народа.

Народ по достоинству оценил творческий путь старейшего русского театра, его огромные исторические заслуги перед русской культурой, перед советской общественностью. Выражением этой оценки и явилось знаменательное постановление советского правительства.

ВЫСОКИЕ НАГРАДЫ

За выдающиеся успехи в области развития русского театрального искусства Центральный исполнительный комитет Союза ССР постановлением от 23 сентября 1937 года наградил Государственный академический Малый театр орденом Ленина.

Постановлением ЦИК СССР за выдающиеся заслуги в деле развития русского театрального искусства награждены:

ОРДЕНОМ ЛЕНИНА

Народная артистка СССР М. Н. Блюменталь-Тамарина, народные артисты РСФСР А. А. Яблочкина, Пр. М. Садовский, В. Н. Пашенная, А. А. Остужев.

ОРДЕНОМ ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

Народные артисты РСФСР В. Н. Рыжова, М. М. Климов, Н. К. Яковлев, В. О. Массалитинова, заслуженный деятель искусств М. С. Нароков, заслуженные артисты республики Е. Д. Турчанинова, М. Ф. Ленин, Н. Н. Рыбников, Н. Ф. Костромской, Н. А. Светловидов, Е. Н. Гоголева, Н. А. Белевцева, Л. М. Прозоровский, А. В. Васенин, артист В. Ф. Лебедев, засл. мастер сцены художник-гример Н. М. Сорокин и заместитель директора театра З. Г. Дальцев.

ОРДЕНОМ ЗНАК ПОЧЕТА

Режиссер К. П. Хохлов, заслуженные артисты республики Л. А. Волков, С. В. Айдаров, С. Б. Межинский, А. И. Зражевский, В. А. Владиславский, Г. И. Ковров, артисты театра Н. А. Анненков, И. Ф. Красовский, Н. Н. Гремин, В. Э. Мейер, Н. А. Соловьев, Н. И. Уралов, главный бутафор А. И. Гиршман, инспектор сцены А. Г. Пузанков, портниха Н. А. Под'ячева, художник-декоратор М. А. Михайлов и артистка театра Е. И. Найденова.

Кроме того, почетными грамотами ЦИК СССР за заслуги в деле художественного и технического обслуживания театра награждены многие передовые артисты и работники.

НАРОДНЫЕ АРТИСТЫ СССР

Постановлением ЦИК СССР **звание народного артиста СССР присвоено** народным артистам РСФСР А. А. Яблочкиной, П. М. Садовскому, М. М. Климову, В. Н. Рыжовой, А. А. Остужеву и В. Н. Пашенной.

НАРОДНЫЕ АРТИСТЫ РСФСР

Заслуженным артистам республики Н. Ф. Костромскому, Н. А. Светловидову, Е. Н. Гоголевой, Н. Н. Рыбникову, Е. Д. Турчаниновой, М. Ф. Ленину и заслуженному деятелю искусств М. С. Нарокову постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета присвоено звание народного артиста РСФСР.

Заслуженным артистам республики Л. М. Прозоровскому, Л. А. Волкову, С. В. Айдарову, А. В. Васенину и режиссеру К. П. Хохлову **присвоено звание заслуженного деятеля искусств РСФСР.**

Кроме того, звание заслуженного артиста республики присвоено многим выдающимся артистам Малого театра.

Награжденные орденом Ленина народные артисты СССР. Вверху слева направо — М. М. Блюменталь-Тамарина, А. А. Яблочкина, П. М. Садовский; внизу слева—В. Н. Пашенная, справа—А. А. Остужев.

ПРАЗДНИК КУЛЬТУРЫ

Горячо поздравляю Малый Театр и его работников с высокими наградами.

Громадна и блестяща его роль в истории русского театра, русского искусства, в истории русской национальной культуры. Поэтому праздник Малого Театра есть праздник нашей культуры.

Мне радостно приветствовать этот праздник театра еще и потому, что мои трудовые будни давно уже связаны с буднями Малого Театра.

Статья «Правды» о Малом Театре озаглавлена «Гордость русского театрального искусства». Если русское театральное искусство гордится Малым Театром, то, стало быть, есть чем гордиться Малому Театру!

Какие свойства Малого Театра влекут к нему советского автора?

Это, конечно, — тот подлинный реализм, который есть и всегда будет содержанием и целью социалистического искусства. И еще одна несравненная особенность Малого Театра — его изумительное мастерство языка.

М. Горький писал: «Действующие лица пьесы создаются исключительно и только их речами. Это очень важно понять — только при этом условии зритель поймет, что каждая фигура пьесы может говорить и действовать только так, это утверждается автором и показывается артистами сцены».

Это незыблемый закон драматургии, без которого не может быть пьесы. Мы все выполняем его в меру сил. И если та же «Любовь Яровая» продолжает жить на сцене Малого Театра, то этим она обязана в сильной степени языковому мастерству его актеров.

«Высокая награда обязывает к напряжению всех сил для выполнения своих творческих задач Ближайшая из них — это работа над пьесой к 20-летию Великой Октябрьской Революции», — говорит артистка В. Н. Пашенная и с нею весь коллектив Малого Театра, занятый в этой ответственнейшей работе.

И с коллективом — автор.

Н. ТРЕНЕВ.

Профессор А. В. ШЕСТАКОВ

Исторические темы советской литературы

Народы Страны Советов проявляют громадный интерес к своей истории.

На советских ученых-историков возложена трудная и вместе с тем почетная задача — рассказать трудящимся СССР об их прошлом, раскрыть перед ними весь исторический многовековой путь народов, населяющих первую в мире социалистическую страну.

Большую помощь в выполнении этого ответственнейшего задания нам, историкам, должны оказать мастера художественного слова — советские писатели.

При изучении истории в средней и в высшей школе нельзя ограничиться учебником. Как бы хорошо ни была составлена лекция, как бы хорошо ни был написан исторический курс, — они все же не раскрывают учащимся всего многообразия изучаемой эпохи, не исчерпывают всех фактов. Учебник и лекция дают главное, основное, общее представление об эпохе, о борьбе движущих исторических сил, краткую характеристику виднейших общественных деятелей Учебник и лекция не могут осветить с достаточной полнотой конкретные бытовые условия, в которых жили различные социальные группы в тот или иной отрезок времени, раскрыть общественную психологию той или иной эпохи и т. п. Между тем для того, чтобы хорошо разбираться в своем прошлом, нужно знать и эти «второстепенные» стороны исторического процесса.

Советским прозаикам, поэтам, драматургам предстоит создать художественные произведения, которые в яркой образной форме воспроизведут в сознании читателей самые различные периоды истории в важнейших деталях и подробностях. Освещая различные этапы развития жизни в прошлом, эти произведения, не заменяя учебников и курсов истории, «благодаря самой природе художественного творчества — его яркости, изобразительности, занимательности», будут служить «дополнением и пособием в изучении истории». Это утверждение передовой статьи в «Литературной газете» от 10 сентября с. г. совершенно правильно.

В активе советской литературы не мало хороших художественных произведений, отражающих различные моменты истории русского народа.

«Жизнь Клима Самгина» А. М. Горького, «Петр I» Ал. Толстого, «Разин Степан» Чапыгина, «Пушкин», «Кюхля» Тынянова и ряд других романов и повестей вполне заслуженно пользуются большим вниманием и любовью широкого читателя. Но даже неспециалисту ясно, что этого недостаточно. Очень многие периоды русской истории в художественной литературе абсолютно не отражены.

Как, например, освещено писателями Ледовое побоище? Что написали они о Новгороде, о татаро-монгольском иге, о Москве XII-XIV веков? О князе Владимире Святославовиче имеется всего-навсего одна повесть Добржинского, изданная десять лет назад. Это хорошая книга. Правда, в ней недостаточно четко разработана проблема «вассалитета без ленов», плохо показан переход от формы «полюдья» к феодальным отношениям, но автор все же нарисовал исторически верную картину Киевской Руси. В книге дана история христианства, торговля рабами, Византия, борьба смердов с дружиной. Но если о Владимире есть хотя одна книга, то об Иване Калите, Иване Третьем, Иване Грозном, Дмитрии Донском нет и этого.

Между тем Дмитрий Донской, Иван Калита жили и действовали в период, который необходимо показать как можно ярче. Это был момент острой борьбы русского народа за создание крепкого единого государства, борьбы против татаро-монгольского ига, иссушавшего, по определению Маркса, душу народа. Это был период, когда русское национальное государство, потом превратившееся в многонациональное, закладывало фундамент своей будущей мощи.

Много «белых пятен» находим мы в исторической беллетристике, посвященной XVII столетию. Богдан Хмельницкий, борьба Украины с Польшей, городские бунты и, в частности, знаменитое псковское восстание 1650 г. — все это темы, к которым еще ни разу не прикоснулось перо исторического романиста.

Не может удовлетворить нас и то, как отражен в литературе один из интереснейших и ответственнейших этапов русской истории — борьба Московского государства с поляками. Отдельные моменты этой оборонительной войны России запечатлены в гениальном «Борисе Годунове» Пушкина, в произведениях В. Каменского, Г. Шторма. Однако до сего времени у нас нет художественной книги, охватывающей всю эпопею борьбы Москвы с польскими интервентами.

Петровская эпоха с большим мастерством отображена в романе Алексея Толстого. Но читатель исторически не подведен к этому роману, так как «Петр I» не имеет своего предшественника. В художественной литературе он стоит одиноко, отдаленный от ближайших исторических произведений несколькими десятилетиями. Конец же XVII века заслуживает самого пристального внимания писателей Давно назрела потребность в произведении, показывающем в художественных образах раскол, стрельцов, создание всероссийского рынка и т. д. Такое произведение подготовит читателя к раскрытию сущности петровских преобразований.

Необходимо также создать книгу о Ломоносове, которая рассказала бы не только о жизни и работе великого русского ученого, но дала бы широкую и всестороннюю картину царствования Елизаветы Петровны.

Необходимо по-новому осветить в художественной литературе и войну 1812 года. Л. Толстой допустил в «Войне и мире» немало исторических неточностей, заметных специалистам с первого взгляда. В настоящее время наука располагает многими новыми данными, позволяющими судить о борьбе России с Наполеоном иначе, чем это было возможно в период создания «Войны и мира».

Нужно также отобразить в художественных произведениях дореформенные и пореформенные крестьянские восстания с присущим им величайшим героизмом и самопожертвованием масс и в то же время с величайшим заблуждением относительно роли царя в реформе 1861 г.

Не отражены в беллетристике и такие важные разделы истории, как начало рабочего движения — возникновение марксизма в России, рабочие организации, первые стачки и пр.

Слабо показаны писателями война 1914 года, Февральская революция.

Давно пора дать советским читателям большое, монументальное произведение о Великой Октябрьской социалистической революции, охватывающее и освещающее все основные моменты вооруженной борьбы пролетариата и крестьянства за власть советов, за свержение капиталистов и помещиков.

Плохо обстоит дело с литературой, посвященной истории братских народов СССР. То, что есть — отрывочные и случайные произведения из истории народов СССР, — не разрешает задачи. Нам необходимо хорошо знать не только русскую историю, но и прошлое каждого народа, живущего и процветающего в Советском Союзе.

Между тем до сего времени по истории братских национальностей СССР нет ни одного марксистского учебника. Этот прорыв необходимо заполнить как можно скорее. Писатели, наравне с учеными, должны активно включиться в работу по художественному отображению исторического прошлого белоруссов, украинцев, грузин, армян, народов Средней Азии, Сибири, Поволжья и др.

Это далеко не исчерпывает всех тем, которые необходимо воплотить в художественных произведениях. Но и то, что названо, конечно, потребует больших усилий, громадного творческого напряжения. Для реализации этой программы необходимо тесное содружество между историками и писателями.

Историк и беллетрист должны работать рука об руку, помогая друг другу. Организовать это сотрудничество обязан союз советских писателей.

Большую роль здесь могут сыграть и издательства. Они должны привлекать историков к работе писателей. Формы этого привлечения могут быть самые разнообразные — консультация, участие в обсуждении нового произведения и т. п.

Дружная, совместная работа писателей и историков даст несомненно плодотворные результаты, вещным выражением которых явится серия новых исторически-правдивых художественных произведений на темы истории СССР.

Запросы юных читателей

Советские школьники получили новый учебник истории СССР, составленный на основе исторических замечаний товарищей Сталина, Кирова и Жданова.

Интерес к изучению истории своей социалистической родины среди учащихся огромен.

Новое подрастающее поколение хочет получить и художественную литературу, которая помогла бы ему полнее и лучше знать прошлое и настоящее своей великой страны и ее народов.

*

Мы посетили ряд московских школ, где знакомились с запросами юных читателей в области исторической художественной литературы.

Почти во всех школах ребята и педагоги сетовали на отсутствие у нас массовых художественных изданий на исторические темы.

Ученица 9 класса 272 школы Ростокинского района, член исторического кружка Московского Дома пионеров **Нина Разумовская** сказала нам:

— Ребят очень обрадовало издание «Тиля Уленшпигеля» Шарля де-Костера. А разве в русской истории нет таких же прекрасных легенд? Разве мало в ней тем для исторических романов? Классическая литература дала нам такие произведения, как «Борис Годунов», «Капитанская дочка», «Арап Петра Великого» — Пушкина, «Война и мир» — Толстого и многие другие произведения на исторические темы. Однако достать их в наших книжных магазинах и в библиотеках очень трудно. Классики издаются в очень ограниченных тиражах и не всегда доступны по цене. Советские же писатели почти совсем не пишут исторических произведений. так что и издавать-то нечего.

Отрадное исключение — А. Толстой, роман которого «Петр I» ребята читают с большим увлечением.

— Меня лично, — заявляет Нина Разумовская, — очень интересуют личности Степана Разина, Емельяна Пугачева, Суворова Хотелось бы прочесть интересные книжки о декабристах, о Чернышевском, о Степане Халтурине. Александре Ульянове.

Ученик X класса 115 школы **Виктор Гоппен** прочел много исторических книг. Среди них «Саламбо» Флобера, «Спартак» Джиованиоли, «93-й год» Гюго, романы Вальтер Скотта, Дюма, Фейхтвангера. Из русской литературы — «Война и мир» Л. Н. Толстого, «Капитанская дочка» Пушкина, произведения Загоскина, «Петр I» А. Толстого и др.

Виктора Гоппена больше всего интересуют произведения, рисующие жизнь и быт людей в XVII—XVIII веках.

Другой ученик той же школы **Александр Ширвинт** с особым интересом читает Вальтер Скотта. Но он хотел бы прочесть такие же увлекательные романы о выдающихся героях русской истории, о героях революционного движения и Октябрьской революции.

Интересный материал получили мы и в 292 Татарской школе Ростокинского района.

Ученик V класса «В» этой школы, пионер **Хаким Янычаев** сообщил нам, что лето он провел в пионерском лагере в селе Бородино

В лагере образовался исторический кружок. Ребятам рассказывали о нашествии Наполеона на Россию. Они побывали в Бородинском музее, где увидели много интересного.

Пионерский лагерь был разбит вблизи дома, откуда во время Бородинского боя Кутузов и его штаб руководили сражением

Все это возбудило у ребят живейший интерес к военным событиям 1812 года. Им хотелось бы прочесть на родном татарском языке хороший рассказ или повесть о войне 1812 года

Ребята хотели бы также прочесть на татарском языке художественное произведение о гражданской войне, но такой книжки они не достали.

*

Беседы со школьниками подтвердили тот факт, что советская молодежь испытывает острую нужду в советской художественной литературе на исторические темы

Но ни Детиздат, ни «Молодая гвардия», ни другие издательства не учли до сих пор этих запросов нашей молодежи.

Ученица Нина Разумовская внесла хорошее деловое предложение

Она хотела бы, чтобы **в учебниках по истории печатались указатели художественной литературы на исторические темы.**

*

Высказывания ребят, нужно думать, найдут отклик у наших писателей и у издательских работников, и в добавление к такому замечательному подарку, как «Краткий курс истории СССР», вышедший под редакцией проф А. В. Шестакова, они получат и новые массовые издания художественно-исторических произведений, целые библиотечки исторического чтения

Ф. СТИГОРН.

Подготовка к выборам в Верховный Совет СССР

Вступительная беседа

Партийный и комсомольский комитеты ССП СССР выделили группу писателей и работников аппарата для работы по пропаганде избирательного закона среди неорганизованного населения г. Москвы.

Ниже мы печатаем заметки одного из писателей, проводивших эту работу.

■ ■ ■

Человек прошел во двор. Старый дом смотрел на него сотней освещенных окон. Вечер был теплый, высоко над городом катилась полная луна, окна были широко распахнуты.

За окнами текла мирная вечерняя жизнь. Где-то стрекотала швейная машинка, где-то патефонный тенор разливался неаполитанской песней, где-то плакал младенец.

Набежали ребятишки:

— Вам кого, дяденька?

— Мне бы управдома.

— Идите сюда, мы проведем.

Прошли длинными неосвещенными коридорами. Остановились перед ободранной дверью.

— Я докладчик из райкома, — сказал из темноты человек, — где-то у вас тут назначено собрание?

— Очень приятно, — засуетился управдом. — Ребята, проведите товарища на кухню, я сейчас сбегаю за старостой.

— Доклад-чи-ик! Доклад-чи-ик! — с криком ринулись по закоулкам коридора ребятишки.

Докладчик остановился на пороге.

Кухня была обширная, с асфальтовым полом, с огромной изразцовой плитой по середине. Тусклая, засиженная мухами лампочка еле освещала черные, в лохмотьях копоти стены. В мусорном ведре рылась толстая кошка.

И шесть примусов орали на столах, раздувая синее пламя.

— Здесь будет собрание? — нерешительно спросил докладчик.

— Здесь!

Смущенно запахивая халаты, мимо докладчика прошмыгнуло в коридор несколько хозяек.

Докладчик остался один-на-один с примусами. Он несколько раз прошелся по кухне и осторожно уселся на подоконник.

На кухню вбежала маленькая женщина.

— Здравствуйте! Я староста кружка.

Она веселыми глазами оглядела докладчика.

— Красного уголка у нас нет. Собираемся здесь.

— А как же... это? — отглянулся на шеренгу примусов докладчик.

— Это мы сейчас остановим.

Один за другим она потушила все примуса. На кухне стало непривычно тихо.

Управдом принес столик, накрыл газетой. Подвинул стул, вытерев ладонью сиденье.

— Анна Васильевна! Маша! Машенька! На собрание! — разносился в коридоре звонкий голос старосты.

На кухню заглядывали хозяйки. Увидев одиноко сидящего докладчика, прятались за дверью.

— Пожалуйте! Пожалуйте! — кричал докладчик.

Вошли сразу толпой. Докладчик заметил свеже выглаженные кофточки взамен затрапезных халатов и спросил:

— У вас нечасто бывают здесь собрания?

— Полтора года уже не было.

— Что ж так редко?

— Не интересуются нами.

— А вы бы собрались сами.

— Да незачем!

— Как незачем? Вот хотя бы обсудили вопрос о кухне. Грязно у вас, темно. А ведь, небось, целый день в этом клубе проводите?

Переглянулись, заулыбались.

— И верно, что клуб.

И посыпались одна за другой жалобы на правление жакта, на управдома Стены год как не белили. А от примусов чад, не продохнешь Вытяжки нет, сто раз просили правление поставить вентилятор, там только обещают. В других домах красные уголки, хозяйки в кружках занимаются разных, а у нас было подходящее помещение, да домтрест отобрал Культкомиссия никакой работы не ведет

— Вот видите, сколько у вас вопросов, а говорите незачем собираться. Обязательно надо собираться! — посмеивается докладчик.

Кухня к этому времени уже заполнена. Сидят на скамьях, на подоконниках. Обсели со всех сторон плиту. Домашние хозяйки сидят вперемежку с нянями, с домработницами. Многие с детишками на руках.

— Можно начинать? — спрашивает докладчик.

Водворяется тишина.

— Так вот, товарищи, — начинает докладчик, — скоро все мы — и вы, трудящиеся женщины — будем выбирать Верховный Совет нашей страны. Помните, двадцать лет тому назад Ленин сказал, что каждая кухарка должна научиться управлять государством!..

Докладчик строил свою речь на 122 статье Сталинской Конституции:

— Женщине в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях...

Раньше и теперь! Какие разительные перемены! Женщина-раба. «Доля ты русская, долюшка женская»...

Устремив глаза в закопченый потолок, докладчик читал горькие стихи Некрасова о «многострадальной матери». Сколько превосходного агитационного материала несет в себе русская литература, — черпай полной рукой. И как живо воспринимается он вот этой «кухонной» аудиторией.

Слушали напряженно, чутко. И уже до конца не снижалось внимание, когда перешел докладчик к нашему времени, рассказывая о женщинах сталинской эпохи — о Марии Демченко, о Паше Ангелиной, о женщинах-пилотах, комбайнерах, инженерах, ученых.

— Все вы знаете, — закончил докладчик, — таких женщин, они живут с вами, в ваших домах, вы встречаете их на улицах, читаете о них в газетах. Верно ведь? Ну, вот! Давайте поговорим теперь, как вы жили до революции и как живете сейчас. Интересно сравнить, правда? Кто может рассказать о себе?..

Стеснительное молчание.

— О себе не любим мы говорить, — улыбнулась сидевшая на плите дородная хозяйка.

— Отчего же?

— Да неинтересно... Всю жизнь с горшками, да с ребятишками...

Замолчала хозяйка.

— Вот и моя мама, — сказал докладчик, — так же говаривала Очень она, бедная, жалела, что не успела новой жизнью пожить Тяжело ей было выходить кучу ребят, натерпелась горя. Это теперь вот советская власть учит всех, а раньше-то разве так было?..

И видно было, как живо откликнулись эти простые «домашние» слова докладчика в аудитории Заговорило сразу несколько голосов

И громче всех заговорила сидевшая на плите дородная хозяйка

— А я про что и говорю? Вот у меня пятеро ребят было, теперь уже все большие Старший у меня инженер-комсомолец, две дочки в вузах, у всех хорошая дорога Раньше и думать не смели бы, муж получал всего 20 рублей, едва хватало на прожитье, в тряпках да обносках ходили..

Жена управдома, покачивая маленького, рассказала:

— Теперь домработницы — и те стали в кружки ходить. А ведь раньше и не слыхали про это. Спросите мужа, — мы с ним в этом доме уже тридцать лет живем. Его из деревни в тринадцать лет привезли, швейцаренком у бывших господ прислуживал, калоши подавал. А я тут же в няньках служила, уж он моих слез навидался. Барыня, бывало, за косу оттреплет, да еще руку заставит поцеловать...

— Вот сволочь какая!..

Открылись шлюзы. Докладчик довольно оглядывал свою аудиторию, слушая эти поучительные рассказы о прошлом и настоящем. Казалось, нет им конца.

«Отлично! — радовался докладчик про себя, — замечательно! Мне остается лишь подвести политические итоги»...

*

Это была вступительная беседа к изучению Конституции и Положения о выборах в Верховный Совет.

К следующему занятию кухня явственно изменилось. Яркая новая лампа зажглась под потолком. Копоть со стен обмахнули. Убрали из углов мусор.

Председатель жакта сердито выговаривал управдому:

— Я ж говорил тебе, что надо стены побелить!

Стены решено побелить к празднику.

— Ну, а как слушательницы ваши?

Докладчик подводит итог:

— Три беседы проведены. Посещаемость хорошая. Слушают внимательно. Обсуждение проходит живо. И что самое главное: почувствовали вкус к учебе. Говорят, хорошо бы в этом кружке вести и дальше занятия, мы приходили бы послушать. Молоденькая няня — Зиной зовут — говорит: «Я люблю в кружках заниматься, хорошо бы еще куда-нибудь поступить...». Вот что дорого! Это и называется работой среди «неорганизованного населения»...

А. ЗУЕВ.

■ ■ ■

Дворец культуры освобожденной тюрчанки (Баку) организовал для домашних хозяек 12 кружков по изучению «Положения о выборах в Верховный Совет СССР». На снимке: **занятия с домашними хозяйками.** Слева — руководительница-инструктор Дворца культуры тов. Х. Мамедова.

В библиотеке им. Ленина

Всесоюзная библиотека имени Ленина включилась в соревнование библиотек по подготовке к двадцатой годовщине Великой социалистической революции и к выборам в Верховный Совет. Она вызвала на соревнование библиотеку Академии наук СССР.

В отделах библиотеки им. Ленина проходят собрания, на которых вырабатываются обязательства отдельных работников, бригад и отделов

27 сентября состоится общее собрание сотрудников, на котором будет выработан договор соревнования всей библиотеки

Библиотека составила большой **рекомендательный список общественно-политической и художественной литературы по подготовке к выборам в Верховный Совет.**

Значительно пополняется организованная в читальном зале выставка, посвященная Сталинской Конституции и новому избирательному закону.

Литературно-музыкальные радиопередачи

Всесоюзный радиокомитет подготовил **цикл литературно-музыкальных программ,** посвященных Сталинской Конституции и выборам в Верховный Совет

Уже состоялась передача специального литературно-музыкального монтажа, которая будет возобновлена в октябре и ноябре

В этот монтаж вошли стихи Джамбула «Великий Сталинский Закон», Сулеймана Стальского «Слово о Сталинской Конституции» и его песня, посвященная великому вождю трудящихся всего мира товарищу Сталину, стихотворение А. Суркова «Отчизна», песня народного певца Узбекистана Рахима Джалилова «Мы — наготове», песня Лебедева-Кумача «Советский простой человек», стихотворение Янки Купалы «Тебе, наш учитель», удмуртская народная песня о Сталине, отрывок из речи А. М. Горького, произнесенной на торжественном заседании Тбилисского совета в 1928 году, и др.

Подготовлены передачи: «Сталин — творец великой Конституции», «Дружба народов СССР», «Москва — столица социалистического отечества».

Намечен радиовечер, на котором выступят советские писатели с сообщением о том, как они готовятся к выборам в Верховный Совет.

Начаты радиопередачи, посвященные показу культурных достижений 11 советских республик.

2 октября по радио будут передаваться стихи народного поэта Дагестана орденоносца Сулеймана Стальского, **4** октября — новая поэма народного певца Казахстана орденоносца Джамбула — «Песня о Ворошилове».

Озадаченный Музгиз

Могучим орудием агитации и пропаганды может служить хорошая массовая советская песня. Особенно в дни, когда вся страна готовится к выборам в Верховный Совет, песня могла бы оказать колоссальную помощь пропагандистам, могла бы занять почетное место в программах вечеров и собраний, посвященных избирательной кампании.

Руководство Музгиза должно бы учесть это.

Однако, когда мы обратились к заведующему Музгизом т. Гринбергу с вопросом:

— Что делается в издательстве в связи с предстоящими выборами в Верховный Совет?

он коротко ответил:

— Ничего!

Затем т. Гринберг сделал попытку сослаться на то, что «застрельщиками в этом деле» должны быть работники эстрады.

Музгизу же остается только поддержать их хорошее начинание и помочь им, снабдив кем-то написанные интермедии, скэтчи и т п. «дополнительным вокальным материалом».

Нам думается, что такая установка Музыкального издательства неправильна. Музгиз должен дать не только «дополнительный вокальный материал», но и самостоятельные массовые — дешевые и многотиражные — издания сольных и хоровых песен на темы о стране социализма, об отчизне трудящихся всего мира, о новом советском быте и т. д., и т. п.

Музгиз озадачен самой постановкой обращенного к нему вопроса. Не ясно ли, что он проявляет недопустимое политическое недомыслие.

С. ФИТ.

Исторический роман на Западе

Мы рекомендуем вниманию читателя шестнадцатый номер журнала «Литературное обозрение», посвященный в значительной части характеристике исторического романа на Западе.

Ценность статей, помещенных в этом номере, в том, что они не только знакомят с рядом конкретных произведений, принадлежащих перу крупнейших писателей — Фейхтвангера, Генриха Манна, Бруно Франка и др., — но и дают достаточный материал для обобщений, позволяют разобраться в тенденциях, **типичных** для современного исторического романа на Западе. Ценность статей заключается также и в единстве метода, которым оперируют авторы, в единстве идейных и теоретических установок, отличающем их суждения.

Сущность этих установок заключается в требовании **подлинного историзма, в осуждении попыток модернизации прошлого, попыток пользоваться методами неглубоких исторических аналогий.**

Только литература, удовлетворяющая всем этим требованиям, может явиться достойным ответом фашистским фальсификаторам.

Цикл исторических романов, появившихся в последнее время на Западе и принадлежащих перу выдающихся антифашистских писателей, и является первым ответом подлинных художников и мыслителей на мерзкую фашистскую пачкотню.

Авторами этих романов, указывает «Литературное обозрение», «руководит стремление разглядеть, как в прошлом развертывалась борьба прогрессивных и реакционных сил, всеми ими руководит стремление увидеть в этой борьбе предисторию современной борьбы антифашизма с фашизмом», в их произведениях «гуманизм, жизнелюбие, вера в победу прогрессивных исторических сил противопоставлены мрачной бесчеловечности и варварству фашизма».

Но отнюдь не всегда авторы разбираемых в «Л. О.» произведений удерживаются на позициях действительного историзма, вскрывают до конца подлинно движущие силы изображаемых эпох, отказываются от порочного метода исторических аналогий.

В интересной статье о «Лже-Нероне»—последнем романе Лиона Фейхтвангера — Андор Габор убедительно показывает, что крупнейший мастер современности не изменил своему принципу «использовать прошлое лишь как костюм, как внешнюю оболочку, для того, чтобы свободнее обращаться с современным материалом». В персонажах «Лже-Нерона» легко угадываются фигуры фашистской Германии — Гитлер, Геббельс, Рем и др., улавливаются параллели, проводимые писателем между практикой Гитлера и практикой Лже-Нерона, между положением современной Германии и положением в стране, где Лже-Нерон осуществляет свою авантюру, и т. д.

Таким образом «Лже-Нерон» несколько условно можно назвать историческим романом.

Но даже при всей спорности, а иногда и просто неверности историко-художественной концепции Фейхтвангера «Лже-Нерон», по правильному замечанию критика, занимает свое почетное место в антифашистской немецкой литературе.

Самым значительным из всех исторических романов немецких антифашистских писателей, утверждает в том же номере «Л. О.» Г. Лукач, является роман Генриха Манна «Юность короля Генриха IV».

О глубоком художественном чутье писателя свидетельствует уже один факт обращения к такой теме, как борьба прогрессивных сил французского общества за единое государство и роль Генриха IV в организации этой борьбы. В данном случае Манн следует лучшим традициям немецкой демократии, которая всегда призывала немецкий народ к учету примеров, даваемых французской историей.

Одной из главных удач романа является образ Генриха IV. Это первый в современной немецкой литературе положительный образ вождя, «народного героя, который, благодаря своим личным достоинствам, сумел возглавить большое народное движение и обеспечить ему победу».

Биографическая форма романа, обусловившая положительные его стороны, обусловила также и его слабости. Основная слабость заключается в том, что на первом плане оказывается герой, а не народные массы, чаяния которых он выражает. Поэтому «в то время, как развитие героя мы переживаем во всей его жизненности, во всем его движении, факты народной жизни мы только принимаем к сведению, как голые факты».

От этих недостатков свободен роман венгерского писателя Шандора Гергеля «1514», изображающий эпоху крестьянских восстаний в средневековой Венгрии. Н. Новоселов характеризует «1514» как произведение, подлинным героем которого является трудовой народ.

С интересом читается — несколько, правда, запоздалая, — статья И. Верцмана о талантливом романе Бруно Франко «Сервантес». Образ, созданный Франком, полон глубокого обаяния и резко противостоит тем бездарным схемам, которые созданы всякого рода реакционными исследователями, пытающимися оторвать Сервантеса от гуманистического Возрождения.

Но существенным недостатком романа является то, что Бруно Франк «не сумел изобразить историческое прошлое так, чтобы конкретная и неповторимая его картина помогла нам понять ход истории и индивидуальное отличие, конкретное содержание нашей эпохи. Напротив, он взял факты нашего времени, вдобавок в том освещении, какое он, буржуазный гуманист, сумел им дать, и «наложил» их на далекую от нас полосу истории».

Для массового читателя, проявляющего большой интерес к историческому роману, № 16 «Литературного обозрения» явится ценным пособием.

ЯНЭ.

Жизнь акына

Автобиография народного певца-импровизатора Казахстана, орденоносца Джамбула

Вы спрашиваете — откуда я родом?

У реки Чу, если итти в сторону степи, стоят две горы — Хам и Джамбул. Мой отец Джабай кочевал у этих гор.

Близ горы Джамбул во время снежного, свирепого бурана родился я, и меня назвали древним именем горы Джамбул. Это случилось в феврале 1846 года.

Отец мой Джабай был бедным кочевником-казахом, носившим дырявый чапан.

Вокруг — куда ни достигал глаз — были голые степи. В детстве я ни разу не видел ни полей, ни садов, ни арыков. Степь была моей родиной. Все, кто меня окружал, кочевали и кормились от скота.

Наши степи граничили с киргизскими. Казахи и киргизы в ту пору враждовали. Передают, что отец Джабай в походах был в числе самых отважных джигитов.

Вырос я в юрте. Как и всех казахских ребят, меня вместе с люлькой перевозили с кочевья на кочевье. В детские годы я был строптивым сорванцом. Не хотел слушаться ни стариков, ни отца. Меня посылали пасти ягнят — я не шел. Меня просили набрать дров — я отказывался. Меня считали «теетеком» — шалуном, баловником.

Был я большой охотник до вкусной пищи, до «казы» (конская колбаса), до «карты» (жирная, тушеная кишка), а у нас дома такой пищи не было. Однажды, когда бай угощал другого бая и я знал, что мне, как собаке, не бросят даже об'едков, — я подкрался, схватил «казы» из горячего казана и, подгоняемый страхом и болью, быстро убежал в степь. За мной погнались на лошадях. Когда меня стали догонять, я бросил «казы» в степной поток. Раздосадованные преследователи крепко обругали меня и вернулись обратно, а я, пройдя полторы версты по течению потока, поймал «казы». Такие случаи повторялись часто, обычно во время тоев (пиров у баев).

За пищей я охотился не столько из-за голода, сколько из удальства, из желания показать свою ловкость и способности, в которых сомневались многие, и в числе других — мой отец. Отец меня не любил. Он не верил, что из меня выйдет какой-нибудь толк.

Мой дядя, брат отца, был известным домбристом. Я любил его слушать. Двенадцати лет научился у него играть на домбре. Когда инструмент попал мне в руки, я забыл о шалостях. Мне казалось, что звенит не домбра, а мое молодое сердце. Я не хотел быть чабаном. Меня прельщало быть домбристом и певцом.

Природа дала мне сильный большой голос. Когда я громко пел в степи, мне чудилось, что вся она заполнена моим голосом.

Четырнадцати лет я твердо решил порвать с отцом и жить самостоятельно. Во время «уразы» (магометанского поста) я пошел по юртам и стал петь «жара-пазан» (обрядовую песню). Она начиналась так:

Я стою и пою
У распахнутых настежь дверей,
Пусть родится у вас
Пара сильных больших сыновей.
Каждый сын пусть растет,
Как в степи средь овечьих отар
Вырастает порой
Крутрогий красавец кашкар.

Пение мое понравилось. Мне стали давать пищу и подарки. Это меня радовало. Когда мне исполнилось 15 лет, я приехал в аул, где жил знаменитый акын Сюимбай. Подойдя с домброй к его юрте, я начал петь «жара-пазан». Сюимбай прослушал мое пение со вниманием, позвал меня к себе в юрту и спросил:

— Откуда ты? Из какого рода и племени?

Отвечаю ему почтительно:

— Я из рода Байвше, племени Садыбек, семейства Джабая.

Сюимбай сказал:

— У тебя есть способности быть акыном. Ты обладаешь хорошим голосом. Слова, которые ты поешь, выбраны очень удачно.

В юрте Сюимбая я по просьбе старого акына с волнением спел много песен. Одну из песен я сочинил там же в юрте. Я пел о своей молодости и неопытности, выражал свое восхищение песнями Сюимбая, сравнивал его песни с зарей и яркой звездой, украшающей небосвод, и, назвав себя его младшим братом, просил помощи и поддержки.

Сюимбай пообещал мне помочь и любить меня. Это был самый счастливый час в моей жизни. Целую ночь Сюимбай рассказывал мне о трудном мастерстве акына. Так я стал учеником Сюимбая, которому было в то время 50 лет. Случалось, что Сюимбай, выезжая в аулы, брал меня с собой. Я жадно учился. С тех пор до последних дней, выступая с песней, я всегда вспоминаю имя своего учителя с чувством благодарности. С Сюимбаем мы жили очень дружно. Я пел сложенные им песни. Только шестнадцати лет я решил выступить самостоятельно.

Первой песней, сложенной и исполненной мною, была песня на одной из свадеб. Я пропел о красоте невесты, сравнив щеки ее с цветами, а косы с ночью. Песня понравилась, и меня похвалили.

Начав петь самостоятельно, я все же в состязаниях с большими акынами не участвовал. Решил состязаться только с молодыми, мало известными акынами моего уровня. В казахских степях было принято: поражение на состязании акынов —смерть для акына. Было много случаев, когда акын, потерпев поражение, совершенно переставал петь.

Я бродил по кочевьям, расположенным по берегам Чу. Пел народные былины, сказания, поэмы — произведения других акынов и свои собственные песни.

Веками было заведено, что акын-импровизатор должен был знать обо всем: все роды и племена, всех родоначальников и знатных людей, все места и события. Он должен был откликаться на все новости и уметь учитывать обстановку. Остроумие, находчивость, уменье давать быстрые и находчивые ответы — вот что ценится в акынах. Кроме того, он должен быть хладнокровным. Осыпаемый злейшими насмешками, акын должен оставаться спокойным.

Я учился всему этому. Встречался со старыми и прославленными акынами казахских и киргизских степей — Кочракпаем, Шоонды, Арстанбеком, Шантаем, Кажамберды, Сатпаем, Азетом, Балуач-Шолаком. Внимательно слушал их, учился, накапливая силы, готовился стать таким же, как они, — большим акыном. Но в состязание с ними не вступал, чувствуя себя все еще неподготовленным.

Однажды я встретился со старым своим учителем Сюимбаем. Он выслушал мои импровизации и сказал:

— Ты увлекаешься чужими мелодиями. Это плохо. Большой акын должен иметь свой голос. Измерять землю своим аршином. Каждое твое слово должно разить, как кинжал. Никогда не лицемерь. Черпай слова из своего сердца, как воду из колодца.

Глубоко задумавшись над словами своего учителя, признав их правоту, я стал следовать этим мудрым указаниям. У меня появилась своя мелодия, я нашел свои слова, мое песенное мастерство окрепло.

Будучи бедняком, я хорошо понимал бедный народ. Правдиво я мог петь только о себе и о народе. Когда я пел о народе, я пел и о себе. Когда же я пел о себе, я одновременно пел о народе. Поняв всем сердцем, что акыну нельзя фальшивить и лицемерить, стал петь своим голосом и только правду.

И песни мои полетели по всему Джетысу, как вольные птицы.

Верхом на плохой лошади я ездил из аула в аул. Пел песни грусти и печали, и за это меня кормили.

Я об'ехал Джетысу, бывал в Киргизстане, ездил в Караганду, бродил по Восточному Казахстану.

О чем я пел? Я пел о моем бедном измученном народе, о поруганной родине, о славных батырах казахских племен. Случалось, я пел целыми ночами и получал за это гроши.

Часто мне приходилось участвовать в состязаниях акынов — представителей двух родов. Я всегда выходил победителем, и родоначальник того рода, от которого я выступал, дарил мне халат, барана или жеребенка.

Многие родоначальники упрашивали меня остаться у них, обещали хорошо кормить, уважать и давать богатые подарки, чтобы я прославлял их и участвовал в состязаниях с акынами других родов. Но я не хотел лицемерить и отрываться от народа, не хотел итти к баям. Решительно отказывался и уезжал дальше.

Во время скитаний я везде и всюду слышал знаменитое имя акына Кулмагамбета. Он был первым акыном Джетысу, потому что победил всех акынов. Слава его гремела по всем казахским и киргизским степям. Однажды я поехал в кочевья рода Албана, где жила женщина Щарипа, прекрасная, как Баян-Слу. В это время происходил той двух родов — Албана и Уйсына, на котором выступал знаменитый Кулмагамбет. За мной послали двух лошадей, и я приехал на той.

Кулмагамбет сидел в белой богатой юрте, на ковре, в окружении самых знатных людей. Они пили кумыс и были веселы. Вид у Кулмагамбета был гордый и самодовольный, потому что он победил в состязаниях многих выступавших там акынов.

Увидев меня, он начал посмеиваться надо мной:

— Смотрите на Джамбула — какой он черный, курносый и как он бедно одет. Разве он не позорит свое имя — Джамбул, известное всему народу.

Началось состязание. Кулмагамбет начал в песнях похваляться дружбой и уважением к нему знатных людей. Он перечислял многих родоначальников, баев и волостных управителей. Он превозносил их выше небес.

Потом запел я. Я вспомнил совет Сюимбая и не стал фальшивить и лицемерить. Я повторял знатные имена, только что произнесенные Кулмагамбетом, и давал им оценку, какую заслужили они у народа. В моей песне все эти гордые и чванные люди были названы конокрадами, убийцами, ворами, лжецами, несправедливыми людьми. Мои слова были язвительны и насмешливы. Они вызвали среди окружающих веселый смех. Я пел не уставая, и слушатели все больше и больше выражали свое одобрение. Так я победил дотоле непобедимого Кулмагамбета и стал первым акыном в Джетысу.

Я продолжал ездить по степям и питался тем, что давали мне мои песни. Весть о том, что я победил Кулмагамбета, разнеслась по всем степям и перешла даже границы Джетысу.

После этого я участвовал во многих больших состязаниях акынов и не знал поражений. Я победил знаменитого акына Шашубая, первого акына Киргизстана —Балгу, даровитого и неукротимого Сар-Ырыс, непобедимого Са-Баса и многих других. Я знал только одно поражение, но это было состязание не в песнях, а в кюях (музыкальных инструментальных пьесах). Меня победил киргизский домбрист Оразалы, не умеющий слагать песни, но прекрасно играющий на домбре. В песнях мне его победить не стоило никакого труда.

Мои песни неслись по всем степям. Я никогда не порывал близкой связи с народом. Баи и манапы меня не любили, но боялись.

Песня в степи — огромная сила. Ее ничем не остановишь, как не остановишь бурю. Баи и манапы боялись, что в своих песнях я пущу про них худую славу и вся степь запоет вместе со мной.

В Ер-Назаре, близ Кастека, я приехал однажды к баю Нуртаю Сеитову. В это время пришел байский табунщик Майлебай. Бай спросил:

— Все благополучно?

Табунщик ответил:

— Волки задрали одного жеребенка.

Побагровев от гнева, бай стал злобно бранить табунщика. Ругал он его около часа. Я взял домбру и запел. Песня была гневной. Я спрашивал в песне бая Нуртая: неужели у тебя, Нуртай, нехватает лошадей? Зачем ты издеваешься, как зверь, над бедным человеком из-за одного тощего жеребенка? Дед твой умер и оставил стада твоему отцу. Отец твой умер, и стада перешли к тебе. Ты скоро умрешь, Нуртай, и при всей своей жадности не возьмешь с собой в могилу тысячеголового стада.

Нуртай испугался обличительной песни и сказал:

— Я ошибся, Джамбул. Твои слова заострены против меня, как стрелы. Я забыл о горе, причиненном мне табунщиком. Будем мирно беседовать.

Но я, повернувшись к баю спиной, ушел, не сказав ему ни слова.

Так я жил до 55 лет, странствуя по степи и распевая песни.

В 55 лет мне стало худо. От старости и тяжелых условий я стал сутул, как старый беркут, глаза померкли, а голос ослаб.

Вместо домбры у меня в руках появилась палка. Вместо широкой степи — узкая постель. Я угасал, бессильный петь хорошие песни. И лишь тогда, когда казахи восстали против белого царя, я пропел несколько песен, и их подхватила степь.

Когда мне исполнилось 70 лет, я увидел светлую зарю новой жизни. На землю пришла правда для всех живых существ. Я услышал имя батыра Ленина и был свидетелем победного шествия Красной Армии. Вокруг меня закипела жизнь, о которой я пел в лучших своих песнях, как о золотом сне.

Почувствовав прилив свежих сил, взял я в руки домбру. Вернулась моя молодость, и я запел.

Оглядываясь вокруг, я не узнавал знакомых степей. Поехал по аулам и стал воспевать новую жизнь.

Как всегда, я был заодно с моим народом и был понятен народу. Я был свидетелем рождения новой страны — Казахстана, о чем мечтали целые поколения и о чем пели лучшие акыны.

Только в 80 лет жизнь мне открыла глаза на многое, чего я не понимал. Жизнь началась для меня снова. Я переродился и стал петь, как 25-летний юноша — сильно, с под'емом, с большим жаром и охотой.

Это возрождение моих сил принес мне вождь угнетенного человечества Сталин, давший счастье всем народам. Я стал пламенным агитатором за колхозы. О колхозах я пропел сотни песен, и они полетели по степям, потому что шли они от самого сердца.

Я первым вступил в члены колхоза.

Только при советской власти в цветущем Казахстане Джамбул нашел себе настоящую цену. Старость моя озарена счастьем. Мне более 90 лет, но я не хочу умирать, мне хочется жить больше и больше. Народ меня уважает.

Сам Сталин слышал обо мне и моих песнях. Сбылись мои золотые сны. Я одет в шелковый халат. Живу в белой юрте. У меня темнорыжий, красивый иноходец и богатое седло.

Я был в Москве, которая чудесней сказочного Гюлистана.

Я видел Сталина и здоровался со Сталиным.

Советская власть дала мне за мои песни орден Красного Знамени. Я сказал тогда и повторяю сейчас:

— Награжден не я, награждена народная поэзия Казахстана.

Я пою песни и буду петь их, пока бьется сердце. Сейчас, когда приближается второе десятилетие великого Октября, я говорю всем акынам, ашугам и гафизам Советского Союза:

— Отдадим лучшие песни сердца другу и вождю народов — нашему Сталину.

Да здравствует Сталин, великий мастер человеческого счастья!

Народный певец Казахстана, орденоносец Джамбул.

ДЖАМБУЛ

НАРОДНЫЙ ПЕВЕЦ КАЗАХСТАНА, ОРДЕНОНОСЕЦ

Песня С'езду

Хозяевам Родины славной моей
Привет от акына счастливых степей,
Привет от кастекских цветущих аулов,
Избравших на С'езд делегатом Джамбула!
С домброй я горячее сердце привез.
Я новую песню в подарок привез,
Широкую песню, как море небес,
Тебе — уважаемый С'езд!

★

Смотрю я на степь. В ней горела трава.
В покинутых юртах гнездилась сова.
Курай овивал одинокий курган
В проклятый народом заман...[1]
Молились бродяги святым из Каабы
У изваяния каменной бабы.
Хранил каракурт надмогильный саман
В проклятый народом заман...
Холодные слезы роняя в песок,
Пел горькую песню безродный седок,
И шел задыхаяся мой караван
В проклятый суровый заман...
В миражном тумане струился родник,
Судьбу проклиная, шагал проводник.
Буря срывала последний чапан
В проклятый, суровый заман...

★

Смотрю я на степь. Ей конца не видать.
Смотрю я на степь. Мою степь не узнать!
Гре тропы хранили верблюжьи следы —
Цветут плодоносные наши сады.
Где с ветром катились в Дарью катуны —
Пасутся бесчисленные табуны.
В песках, где голодный скитался казах, —
Струится река человеческих благ.
Где кляча ходила со сбитой спиной —
Летит златокрылый тулпар вороной.
Где баи царили, да ханская кость,
Где даже собаке не сладко жилось,
Где жажда и голод, да смерть кочевали,
Где песни народные умирали,
Где рвал нашу радость стервятник двуглавый —
Восходит Союзной республики слава
И реют одиннадцать гордых знамен,
Приветствуя сталинский мудрый закон!
Закон, по которому в славный заман —
Республикой счастья цветет Казахстан!

★

На горной вершине с домброй я стою
И вместе с народом о счастьи пою
Широкую песню, как море небес,
Тебе — уважаемый С'езд!
Любовью и радостью озарена
Обильная наша страна.
Как слава джигита красива она —
Бескрайняя наша страна.
Как беркут она белоплечий вольна —
Свободная наша страна.
Как волны Арала в прибое сильна —
Могучая наша страна.
Бурлива, как гордая кровь скакуна, —
Чудесная наша страна.
Песни души, что весельем полна —
Как золотые звенят стремена.
Для всех поколений на все времена
Сталинским сердцем согрета она —
Любимая наша страна!

Перевод Павла КУЗНЕЦОВА.

Песня о батыре Ежове

Кочуй по джайляу, лети по аулам —
Степная, гортанная песня Джамбула, —
О верном и преданном сталинском друге,
Враги пред которым трепещут в испуге.
Любви своей к Родине он не изменит.
Как лучшего сына страна его ценит.
Он снится шпионам, злодеям заклятым,
Всегда — обнаженным разящим булатом.
Нас солнечный Сталин повел за собою
И родина стала страною героев,
Каких не рождалось в замученных странах
При белом царе, при султанах и ханах.
Геройство повсюду: в пшеничном просторе,
В лазури небес, на лазоревом море,
И там, где тревожные реют зарницы,
На синих, далеких советских границах.
Я славлю героя, кто видит и слышит,
Как враг, в темноте подползая к нам, дышит.
Я славлю отвагу и силу героя,
Кто бьется с врагами железной рукою.
Я славлю батыра[2] Ежова, который,
Разрыв, уничтожил змеиные норы,
Кто встал, недобитым врагам угрожая,
На страже страны и ее урожая.
Будь орденом Ленина вечно украшен,
Наш зоркий хранитель заводов и пашен.
И пусть моя песня разносит по миру
Всесветную славу родному батыру.

Перевод с казахского К. АЛТАЙСКОГО.

[1] Время, эпоха.
[2] Богатырь, народный герой.

В прошлом году Джамбул был премирован красным халатом, шитым золотой нитк-ой, и конем. На снимке: певец Джамбул со своим конем. (Союзфото).

В союзе писателей Казахстана

«Деятельность» правления союза советских писателей Казахстана давно уже вызывает негодование писательской общественности. Какие бы актуальные и принципиально важные вопросы ни волновали писателей всего Советского Союза, правление союза советских писателей Казахстана «не шелохнет, не прогремит». Со столь же величавой невозмутимостью оно относится и к вражеским вылазкам в казахской литературе.

Для характеристики «работы» правления ССП Казахстана достаточно сказать, что свой первый пленум оно удосужилось созвать только в апреле 1937 года, т.-е. спустя три года после с'езда писателей Казахстана. Однако и апрельский пленум 1937 г. меньше всего можно об'яснить проснувшейся активностью правления ССП Казахстана. Он состоялся наконец по настойчивому требованию писательской общественности Казахстана и по прямым указаниям всесоюзного правления ССП для обсуждения итогов февральского пленума ЦК ВКП(б).

Работа пленума правления ССП Казахстана прошла на чрезвычайно низком идейном уровне. Многословные, пустозвонные доклады представителей правления послужили своеобразной «дымовой завесой» для того, чтобы фактически сорвать работу пленума, не поставившего актуальных вопросов литературы.

В то время, как писательская общественность страны мобилизовалась для разоблачения и выкорчевывания авербаховщины— этой троцкистской диверсии в литературе— и для борьбы с буржуазными националистами, руководство ССП Казахстана занимает особую позицию. Оно проходит мимо этих вопросов.

В июле текущего года правление ССП Казахстана сделало вид, что оно — за развертывание критики и самокритики внутри писательской организации; однако, никаких конкретных мер к выявлению нездоровых явлений в казахской литературе правление не предприняло. Удивляться этому, в сущности говоря, не приходится, ибо руководству правления ССП Казахстана пришлось бы разоблачительную работу начать с самого себя. Взять, например, председателя правления ССП Казахстана — Сабита Муканова. Это столь же плодовитый писатель, как и многословный оратор. Выступая с пространными докладами и декларациями, Сабит Муканов на словах ополчается против классово враждебных элементов и вражеских вылазок в литературе. Но дела самого Сабита Муканова резко расходятся с его словами. О настоящем лице Сабита Муканова говорит вышедшая в 1932 г. его книга «Казахская литература XX века» В этом, с позволения сказать, «труде» Сабит Муканов об'являет подлых алаш-ордынцев, рыцарей баев и феодальных порядков в казахском ауле, Байтурсунова и Дулатова носителями прогресса и культуры. Далее он утверждает, что «есть чему поучиться» у другого алаш-ордынского выродка контрреволюционера М. Жумбаева.

«После Абая (классика казахской литературы), — утверждает Муканов, — у казахов нет писателя, стоящего выше Макжана Жумбаева по языковедению».

Эти свои «теоретические взгляды» Муканов подкреплял делами в качестве председателя союза советских писателей Казахстана, принимая активное участие в предоставлении работы махровому националисту Жумбаеву.

По части восхваления алаш-ордынцев, группировавшихся вокруг ССП Казахстана, не уступал Муканову и другой руководитель ССП Казахстана Сакен Сейфуллин. В первые годы революции Сейфуллин являлся лидером националистической группировки в казахской литературе. Ярким показателем тогдашних националистических тенденций Сейфуллина было его стихотворение «Азия — Европе» (1922 г.). В 1928 г. тот же Сейфуллин посвящает одно из своих стихотворений «Домбра» подлейшему врагу рабочего класса, фашисту Троцкому. Уже в 1936 г. Сейфуллин выступил с пьесой, в которой клеветнически искажал историю освободительной борьбы казахского народа.

Но дело не только в этих двух руководящих фигурах правления ССП Казахстана. Здесь в качестве признанного авторитета и теоретика подвизался подлый враг Тогжанов.

Этому Тогжанову, в частности, было доверено монопольное право «опекать» выдающегося акына Казахстана Джамбула. И не случайно, что ряд песен А. Джамбула, опубликованных уже в русском переводе, не записан на казахском языке.

Джамбула затирали. В то же время контрреволюционные фашистские произведения, вроде романа Джансугурова «Джолдастар», восхвалялись, как великое событие в литературе.

Упомянутые нами факты составляют только незначительную часть счета, который должен быть пред'явлен руководству ССП Казахстана. Но и этих фактов достаточно для того, чтобы судить о явном неблагополучии в писательской организации Казахстана. Необходимо принять решительные меры к оздоровлению ССП Казахстана, жизни и работы писательской общественности.

Нельзя не задать вопроса — чем об'яснить выжидательную позицию, которую занимает в этом отношении культпрос ЦК КП(б) Казахстана? Неосведомленностью об'яснить этого никак нельзя. Ведь на руководящей работе в ЦК КП(б) Казахстана находится писатель тов. Мусрепов, который знает писательскую действительность Казахстана не только по книгам и периодической печати.

И. АНУР.

Золя и народный фронт во Франции

Имя Золя все чаще встречается за последние годы в речах, выступлениях, статьях передовых писателей Франции.

Советского читателя может даже удивить на первый взгляд, что писатели народного фронта во Франции выдвигают Золя гораздо больше, чем предшествующих великих реалистов XIX века, — даже больше, чем Бальзака.

Между тем, для этого есть свои глубокие причины. В Золя ищут сейчас общественный пример — гражданского мужества и честности, и литературный пример — большого социального романиста.

«Золя на один момент был совестью человечества» писал Анатоль Франс.

Знаменитый памфлет Золя «Я обвиняю», сделавший Золя в годы дела Дрейфуса общественным вождем левой интеллигенции, мы вспоминаем сейчас, как образец мужественного и безоговорочного решения писателем политических вопросов, честного поведения художника и интеллигента в дни больших общественных потрясений.

Сейчас, через сорок лет после этих битв, в дни гораздо более глубоких общественных потрясений, писатели Франции выступают, как некогда Золя, на защиту справедливости, попранной реакцией, фашизмом.

Золя осознается, как предтеча позднейших больших писателей французской интеллигенции, ставших «совестью» страны, — Ромэн Роллана и других.

После десятилетий господства в искусстве бесплодного формалистического и психологистического эпигонства писатели народного фронта начинают возвращать сейчас французскую литературу к большому реалистическому социальному роману. И здесь, в поисках традиции, они выдвигают имя Золя. Можно думать, что огромные полотна «Ругон-Маккаров» вставали и перед Арагоном, начинавшим свой цикл реалистических романов «Реальный мир», и перед Роже Мартэн дю Гаром, создававшим социально-политическую фреску на истории «Семьи Тибо», и перед Ж. Ромэном с его огромным замыслом «Людей доброй воли».

Социальный размах Золя, его оптимистический, жизнеутверждающий пафос, его молодая вера в прогресс разума, науки и справедливости кажутся сейчас во Франции живительными после засилия опустошенного искусства декаданса.

Глубокий демократизм Золя, демократизм идей, тем, формы и самого языка, и необычайная жизненность его книг при всей их неотделанности, «грубости» и загроможденности — кажутся освежающими во Франции после десятилетий утонченного, выхолощенного, оторванного от жизни культа «меры».

Нельзя сейчас не видеть слабых сторон Золя, и идейных, и художественных. Утверждая прогресс, осуществляемый в грязи и через грязь капитализма, Золя часто готов был увлечься пафосом денег, капитала; они казались ему явлениями, неизбежно сопутствующими и способствующими прогрессу. «Деньги — лучшее и худшее из всего». С большой силой введя тему труда в социальный роман, Золя был склонен удовлетвориться реформистским разрешением рабочего вопроса.

Эти апологетические черты, нашедшие свое художественное выражение в натурализме Золя, и привели к тому, что Энгельс считал Бальзака более глубоким социальным романистом, чем «всех Золя прошлого, настоящего и будущего».

И несомненно, в поисках примеров глубокого проникновения в социальную жизнь, мы будем неизменно возвращаться к вершине буржуазного реализма XIX века — классическому реализму Бальзака и Стендаля.

Однако Золя, пришедший на несколько десятилетий позже, обладал не только недостатками, связанными с положением писателя эпохи начавшегося заката буржуазного мира, но и преимуществами эпохи начинающегося под'ема рабочего движения.

Вот почему он смог ввести в социальный роман новые темы — темы современного капитализма и пролетариата. Более того — он смог дать теме труда настолько существенное место, что именно это делает его книги актуальными для наших французских современников.

Для интеллигентов поколения 90-х годов, на рубеже XX века Золя был инициатором натурализма и провозвестником новой литературы. Потом настала пора забвения Золя.

Сейчас настало время для подлинной оценки Золя и во Франции, и у нас в СССР.

В нашей критике за последнее время довольно отчетливо сложился образ Золя, как последнего реалиста XIX века, завершающего всю великую плеяду, писателя, у которого большая традиция бальзаковского реализма превращается в натуралистическое ее снижение.

Разумеется, это верно. Верно и то, что от Золя идут в XX век многие черты вырождения реализма, что слабые стороны Золя доводятся до уродства его худшими последователями в XX веке.

Но смешно было бы ограничить значение фигуры Золя, бойца и художника, навязанными ему вульгарностями теории натурализма и слабостями романа. Многие из наших критиков не поняли того, что очень хорошо поняли сейчас передовые писатели Франции, подчеркнувшие не только значение Золя как общественного деятеля, но и то, что из писателей XIX века именно он, как несколько позднее Верхарн, стоит «у порога новой эры».

Вот почему мы можем вместе с нашими французскими товарищами выдвинуть фигуру Золя, стоявшего на рубеже новой эпохи, как фигуру большой значимости.

В своей блестящей книге о Золя Анри Барбюс, цитируя слова Золя «Спасение только в народе», правильно обращался к нему, как к провозвестнику новой литературы:

«Нужно ставить эту великую тень не позади нас, но впереди, и использовать ее для просвещения людей, для нужд коллективов и для того драматического прогресса, который изменит весь лик мира; обратить эту тень не к XIX веку, но к XX, и к следующим — вечно навстречу юношам».

Е. ГАЛЬПЕРИНА

Карикатура **А. Жилля** «Золя и Бальзак» из серии «Современники».

Творчество Золя

I.

Нужно сказать без обиняков: в последние годы творчество Золя подвергается у нас односторонней оценке. В критике, в университетских курсах, в литературных кружках имеют хождение некоторые формулировки, искажающие подлинное творческое лицо писателя. А ведь именно в Советском Союзе опубликованы в большом количестве рукописи писательской лаборатории Золя, проливающие новый свет на многие проблемы его творчества.

Золя считается теоретиком «натурализма», хотя не он первый выдвинул этот термин. Сам Золя причислял себя к натуралистам еще в предисловии к «Терезе Ракэн» (1867), когда он увлекался «физиологическим романом»; но нужно иметь в виду, что Золя называл «романистами-натуралистами» (так назван сборник его статей) и Бальзака, и Стендаля, и Флобера, и Гонкуров. Значит, не в термине этом, даже не в творческой теории следует искать об'яснения того, что такое натурализм Золя, а в конкретных художественных особенностях его творчества. Важна реализованная теория.

Зачастую критика этого не учитывает. Декларации легче комментировать, чем творчество во всем его художественном многообразии. Мало того, у части нашей критики сильны антиисторические навыки, благодаря чему с хронологией и эволюцией взглядов писателя мало сообразуются.

Взять хотя бы формулу Золя «произведение искусства — это уголок природы сквозь призму темперамента». Относится она к середине 60-х годов (статья «Прудон и Курбе») и направлена в защиту художественных задач, против ложно понятой обнаженной агитационности творчества; в конце же 60-х годов в теории и в художественной практике Золя пережил значительный перелом.

Неправильно считают также статью «Экспериментальный роман» (конец 70-х годов) основной эстетической декларацией Золя. В этой статье метод Клода Бернара механически применяется к литературе. На деле же статья эта была парадоксальным выражением взглядов Золя на «научный роман», ошибочным отождествлением научного и художественного метода.

По существу же статья эта соответствовала тенденции писателя основываться в художественном изображении на об'ективном бытии, что и являет собою одну из особенностей натурализма, и реализма также, в противоположность «суб'ективной необузданности романтизма» (Маркс).

Устойчивые эстетические взгляды Золя-натуралиста можно почерпнуть в статьях «Романисты-натуралисты», «О романе», «Натурализм» (1880) и др.

Имея в виду метод естественных наук, Золя требовал при изображении действительности точного наблюдения, анализа и описания. Лишь художественная практика писателя, сюжеты и мотивы его романов, характер изображения, особенности композиции заполняют приведенные формулы конкретным содержанием. Оценка творчества Золя покоится у нас на целом ряде предубеждений, которые необходимо устранить.

II.

Взять хотя бы проблему наследственности. В первоначальных замыслах Золя, задумавшего в конце 60-х годов написать серию романов «Ругон-Маккары», она имела большое значение, но в творчестве Золя потеряла решающую роль и сохранила для нас, главным образом, генетический смысл.

Об этом свидетельствуют все рукописи писателя: в «тезисах» Золя к планам его романов о наследственности нет упоминаний. Проблема наследственности, модная среди физиологов 60-х годов и развитая затем у Ламброзо, является центральной темой лишь некоторых романов Золя, например, «Западни» или «Человека-зверя».

Эволюция Золя от физиологической к социальной теме явно сказывается в черновых его рукописях, например, на судьбе шахтера Этьена Лантье из романа «Жерминаль». Именно потому, что Золя из'ял или смягчил основные физиологические черты этого образа, он внес существенное изменение в родословное древо Ругон-Маккаров, придумав ранее не предусмотренный персонаж — Жака Лантье, машиниста из «Человека-зверя», который страдает манией убийства.

Литературоведение должно считаться с творческим процессом. Проблема наследственности, скреплявшая семью Ругон-Маккаров, оказалась у Золя формальной связью. Многие члены этой семьи лишь в минимальной степени затронуты ею,—взять хотя бы финансиста авантюрной складки, бонапартиста Саккара из романа «Деньги», или представительницу реакционной буржуазии Центрального рынка Лизу Маккар-Кеню («Лиза—это чрево», — писал Золя). Не меньшую роль в романах Золя играют персонажи, не имеющие никакого отношения к семье Ругон-Маккаров — Флоран в «Чреве Парижа», Дениза в «Дамском счастьи» и т. д. Чрезмерно выпячивая физиологическую проблему Золя, некоторые критики лишь отвлекают читателя от подлинно значительной для французского писателя темы социальной.

III.

Лучшая серия романов Золя, «Ругон-Маккары» — социальная эпопея. Она охватывает жизнь Второй империи, касается неизжитых в наше время на Западе социальных отношений эпохи империализма, и поэтому в какой-то мере еще злободневна.

Исторически оценивая творчество Золя, можно сказать, что и у него неоднократно встречаются широкие картины социальной жизни. Разве «Жерминаль» не был первым реалистическим романом о шахтерах, в котором индустриальный пролетариат предстает как живая социальная сила, где показан рабочий, «страдающий в глубинах настоящего ада». Достаточно сравнить «Жерминаль» с «народными» романами Ж. Санд или с романами той эпохи об углекопах — В. Шербюлье, М. Тальмейера, Ива Гюйо, Гектора Мало.

Каковы бы ни были суб'ективные чаяния Золя, который опасался революционного действия его романа («в замыслы мои не входило покрыть Францию баррикадами»), Золя сознавал, что «Роман — восстание наемных рабочих. Общество получило толчок, от которого оно внезапно трещит, — словом, борьба капитала и труда. В этом вся значительность книги: она предсказывает по моему замыслу будущее, выдвигает вопрос, который станет наиболее важным в XX веке» (рукописный «Набросок» к роману).

В «Дамском счастьи», рисуя борьбу большого магазина с мелкой торговлей, Золя описывал концентрацию промышленности и торговли и подчеркивал значение «коммерческих и финансовых мотивов» в литературе. И в «Деньгах», где Золя показывает «новый денежный мир», синдикаты, организуемые финансовым капиталом, и в «Труде», где Золя избирает предметом изображения «домны, большой промышленный завод», он неизменно выступает новатором.

Рисуя Центральный рынок, большой магазин, биржу, Золя изображал не бездушные натюр-морты, как думают некоторые критики, а новые социально-экономические организмы. Темы Золя в большинстве эпичны, творчество его полно своеобразной героики. Вот почему П. Лафарг, несмотря на ряд критических замечаний о Золя, пишет, что Золя «указал роману новый путь, вводя в него описания и анализ современных экономических организмов-гигантов и их влияние на характер и участь людей,—это было смелым решением».

Для нас наибольшую ценность представляет критическая сторона натурализма Золя, — его антибонапартизм, антибуржуазные мотивы его романов 70-х годов, — «Чрева Парижа» или «Накипи», где в рукописях в качестве тезиса-эпиграфа стоит: «Показать буржуазию обнаженно... в самом отвратительном виде, хотя она считает себя воплощением порядка и добродетели».

У Золя нередко можно встретить оригинальные для его времени мысли, синтезирующие капиталистическую действительность: «Забастовка означает состояние войны между классами», или «Военачальники лишь подготовляют войну — поставить их в зависимость от руководителей промышленности». Легко можно опровергнуть распространенное представление о том, что натуралисту-Золя чужды обобщения. Это не соответствует действительности, поскольку речь идет о социальной философии. Но никак нельзя упускать из виду, что Золя в целом не вышел за пределы реформизма и что его литературно-политическим завещанием был роман «Труд» —утопия о гармонической жизни «труда, капитала и таланта».

Золя, как социальный писатель, интересен не только своей социальной тематикой; героев своих романов он лепит так же, как образы, типы социальные. Взять хотя бы Лизу Маккар из «Чрева Парижа». «Я хочу наделить свою героиню, — пишет о ней Золя в «Наброске», — честностью ее класса и показать, какая бездна трусости и жестокости скрывается в спокойной плоти буржуазной женщины... Я создам «порядочную» женщину.... Но социально и морально она окажется злым ангелом, и от ее прикосновения все будет блекнуть и разлагаться». Это ли не тонкий социально-психологический портрет!

IV.

Современная Золя французская реакционная критика, боровшаяся с материализмом Золя, его антибуржуазностью, антирелигиозной темой, антимилитаризмом, муссировала вопрос о художественных недостатках писателя. Слов нет, Золя нехватает филигранного мастерства таких писателей, как Флобер. Но тот же Флобер, и изощренный Малларме, и, наконец, эстет А. Франс ценили Золя-художника. У Золя, несомненно, имеется своеобразная, художественная система изображения, оригинальный стиль.

Творчество Золя отличается публицистичностью, но агитационность достигается у него иными, чем у романтиков, средствами, а не при помощи прямых высказываний «от автора». Эта стилевая особенность явилась, видимо, основанием к тому, чтобы об'явить Золя писателем, отличающимся «об'ективностью» фотографического об'ектива. Но секрет описаний Золя в том и состоит, что они становятся носителями идеи, что они идеологичны, будучи тесно связаны с развитием действия романа, с жизнью персонажей, подчеркивая, пуантируя социальную тему романа. Ни в творчестве, ни в жизни «наблюдатель» - Золя (достаточно упомянуть об участии его в деле Дрейфуса) никогда не отличался созерцательностью.

Мы далеки от идейных увлечений Золя, нам чужды многие его идеалы, но, будучи верны истории, мы не должны затемнять или искажать образ писателя, который одно время вошел в ряды борцов широкого враждебного реакции фронта, социального писателя, который был гражданином прогрессивного человечества.

М. ЭЙХЕНГОЛЬЦ

Эмиль Золя — офорт **М. Дебутэна.**
К 35-летию со дня смерти.

Н. КРУПСКАЯ

ЧТО ПРИВЛЕКАЛО МЕНЯ В РОМАНАХ Э. ЗОЛЯ

Первая вещь Э. Золя, которую я прочитала, будучи еще в старшем классе гимназии, был рассказ «За ночь любви». Мне он ужасно не понравился, и после этого я Золя долгое время ничего не читала. Не очень охотно пошла я несколько лет спустя на французский спектакль (в Михайловский театр), где ставилась пьеса Золя «L'assommoir» («Западня»), куда меня усиленно тащила моя гимназическая подруга. Это было время, когда я только что вступила в марксистский кружок. «Западня» очень меня заинтересовала. Она давала яркую картину быта французских рабочих. На этом фоне и картины разврата, которые достаточно обширно описываются у Золя, предстали в другом виде, как иллюстрация тяжелейшего положения рабочего класса при капитализме.

С громадным увлечением прочла я «Жерминаль» и затем стала прямо глотать его романы один за другим. С художественной стороны они мне не очень нравились. Из наших классиков мне, как художник, больше всего нравился Лев Толстой. У Золя нет такого уменья отображать действительность, как у Толстого. Многие места носят у Золя искусственный характер. Видно, что они надуманы автором. Разные романы написаны по-разному. Привлекала широта выдвигаемых вопросов, социальная подкладка его романов.

Владимир Ильич ценил Эмиля Золя, как писателя, имевшего мужество в 1897 году встать на защиту Дрейфуса. Дрейфус был капитан французского генерального штаба — еврей. Реакционная военщина и клерикалы добились суда над Дрейфусом и осуждения его якобы за измену отечеству, подтасовав ряд фактов. Это было началом похода монархистов против республиканского строя, дающего право евреям занимать офицерские должности. Требование Эм. Золя, Анатоля Франса, Жореса пересмотреть дело Дрейфуса вызвало со стороны реакционной военщины бешеную их травлю. Монархисты делали попытки военного переворота. Дело Дрейфуса вызвало громадное возбуждение в стране, массовые демонстрации.

Когда весной 1898 г. я приехала к Владимиру Ильичу в ссылку в Сибирь, в его альбоме я нашла карточку Эм. Золя.

Из произведений Эм. Золя, насколько помню, Ильичу больше всего нравился «Жерминаль» — роман, отражавший жизнь рабочих-углекопов.

ЗА РУБЕЖОМ

КНИГА О ФАШИЗМЕ

Журнал «Лефт ревю» (Англия) в сентябрьском номере дает рецензию на книгу итальянского журналиста Джиованни Джильо «Торжество Варравы».

Под Варравой автор подразумевает Муссолини. У Джильо свои счеты с дуче. С 1919 по 1929 год он работал в Риме корреспондентом английской газеты «Дейли геральд». В 1929 году был выслан и целый год проживал в пограничных швейцарских и французских городах, откуда продолжал писать о фашистской Италии.

Джильо в «Торжестве Варравы» не ставит перед собой серьезных политических задач, — говорит «Лефт ревю», — но он дает правдивую картину фашистской диктатуры. Он показывает итальянский фашизм с момента убийства Маттеотти до недавно совершенного убийства братьев Розелли и рисует его, как варварскую классовую диктатуру итальянских капиталистов, зверски расправляющуюся с рабочими и бедняцким крестьянством.

Автор дает очень много материала о Муссолини. Некоторые факты известны, но они такого рода, что не мешает их напомнить.

— Книга Джильо неглубокая, — заканчивает свой анализ «Лефт ревю», — но она проникнута настоящими человеческими чувствами, и против приводимых ею фактов трудно что-либо возразить.

КРИЗИС В КИНОПРОМЫШЛЕННОСТИ

Журнал «Ля нувель ревю францез» жалуется, что с вопросом о киносценариях во Франции неблагополучно. После разочарования, вызванного разрекламированным «шедевром» Ренуара «Великая иллюзия», приходится притти к заключению, что во Франции нечего ждать сколько-нибудь значительной вещи для кино. Последние фильмы настолько посредственны, что приводят критиков в отчаяние. Режиссеры портят хорошие романы, пичкают публику плохо сделанными фильмами и халтурят без всякой меры. Лучшим фильмом в конце концов приходится признать комедию «Пепе-ле-Мико», что довольно плачевно, так как даже у американцев комические фильмы интереснее. Нельзя сказать, что во Франции перевелись хорошие сценаристы. Имеются прекрасные постановщики — Жан Ренуар, Жак Фендер, Бенуа Леви и др. Есть и талантливые актеры.

Чем же об'ясняются беспрестанные провалы? Капиталистической экономикой кинопромышленности, — говорит журнал и добавляет: «В СССР имеются все возможности добиваться высокого качества произведения, во Франции же фильм должен быть обязательно сработан в 3 недели, иначе он будет нерентабелен».

«Мюффа у Нана».
Издательство «Academia» выпускает **«Нана» Эмиля Золя** с рисунками художника **К. Рудакова.**

А. МЕЛЬНИКОВ

Собственный корреспондент «Вестника Европы»

Дениза Ле Блон — дочь Эмиля Золя, в написанной ею книге об отце, говорит: «Его имя стало знаменитым в России гораздо раньше, чем во Франции». К этому следовало бы добавить, что в семидесятых годах Золя нашел в России не только большую славу, чем у себя на родине, но и более глубокое понимание его творчества.

Ряд его произведений был опубликован на русском языке в то же самое время, когда они выходили во Франции. Большая часть его критических статей была написана только для России. Н. К. Михайловский имел все основания утверждать, что «Золя стал наполовину русским писателем».

Популярность Золя в России началась с «Ругон-Маккаров». Его первые произведения, написанные в 60-х годах, почти не обратили на себя внимания русской критики. В «Отечественных Записках» и «СПБ Ведомостях» можно найти упоминание его имени, но ни одно из его произведений еще не было переведено на русский язык. Только в июле и августе 1872 года «Вестник Европы» напечатал сокращенный перевод первых двух романов из серии «Ругон-Маккаров».

С этого времени начинается слава Золя в России. Уже к концу 1872 года оба романа выходят отдельными изданиями. В начале 1873 года роман Золя «Чрево Парижа» одновременно печатается в шести русских журналах. А в 1874 году, когда романы Золя печатались не только в русских журналах, но и в газетах, И. С. Тургенев писал ему: «В России читают только вас». И спустя еще три года Тургенев снова ему пишет: «Вы, как и прежде, самый популярный писатель». Как бы ни преувеличивал Тургенев популярность Золя, не подлежит сомнению, что в 70-х годах автор «Жерминаля» в самом деле был одним из популярнейших иностранных писателей в России.

В 1875 году Золя выступил перед русскими читателями не только как романист, но и как критик. Благодаря посредничеству Тургенева он сделался постоянным сотрудником «Вестника Европы». С мая 1875 года по 1880 год почти каждая книжка «Вестника Европы» содержала очередное «Парижское письмо» Золя. Иногда это были рассказы или отрывки из ненапечатанных еще романов, иногда — очерки, в большинстве же случаев — критические статьи.

Всего «Вестник Европы» напечатал 64 корреспонденции: среди них 24 критических статьи, отрывки из «Западни» и «Нана» и новеллы, получившие впоследствии большую известность («Осада мельницы», «Наводнение» и др.).

На первых порах Золя согласовывал каждую свою статью с Тургеневым. П. Д. Боборыкин рассказывает: «Во всем, что касается России и сотрудничества в русских журналах, Золя слушался безусловно своего приятеля и собрата И. С. Тургенева. Он мне прямо и сказал: «Позвольте мне переговорить с моим другом Тургеневым; он так много для меня сделал и продолжает так дружественно относиться ко мне, что я привык ему верить и никакого дела не начинать без его совета во всем, что касается русской литературы и прессы».

«Парижские письма» не имели столь прочного и длительного успеха, как романы Золя. Но зато на первых порах они были встречены восторженно и оказали громадное влияние на русских читателей. Многие взгляды Золя слишком близко совпадали с мировоззрением передовых кругов русского общества, чтобы не встретить самого горячего отклика.

В 60-х и 70-х годах романтизм и идеализм уже отошли в прошлое. Учащаяся молодежь была увлечена т. н. вульгарным материализмом. Поклонники Бюхнера и Фохта пытались черпать в физиологии материал для разрешения многих вопросов этики, искусства, философии. Золя высказывал очень схожие взгляды. В одном из «Парижских писем» он писал: «Экспериментальный роман захватывает и дополняет физиологию, заменяет изучение абстрактного, метафизического человека изучением человека естественного, подчиненного физико-химическим законам и определяемого влиянием среды». У поклонников Бюхнера и Фохта статьи Золя, естественно, имели успех.

Другой важнейшей чертой творчества Золя, привлекавшей к себе особое внимание русских писателей, была социальная направленность его произведений. Критика тотчас же это отметила. Боборыкин подчеркивал наличие «социально-нравственных принципов» в его творчестве.

В. Чуйко писал: «Золя принадлежит к той группе французских писателей, которые своих гражданских обязанностей не отделяют от своих занятий как художников». И только реакционный «Русский Вестник» с огорчением констатировал, что русская журналистика ценит романы Золя «именно за нравственную и политическую их сторону».

Еще большее значение русская критика придавала «Парижским письмам» Золя в первый период его сотрудничества в «Вестнике Европы». Нужно отметить, что сам он относился к своим статьям, как к единственной в то время возможности пропаганды натурализма.

«Он не просто пишет корреспонденции в русский журнал, — отмечал Михайловский, — а влагает в эти корреспонденции свое задушевное, которое, кажется, даже не решается высказать у себя на родине».

Насколько были правильны эти слова, мы можем судить по признанию самого автора «Парижских писем»: «Пользуюсь случаем, — писал он, — выразить благодарность этой великой стране, принявшей и усыновившей меня в то время, когда во Франции передо мною закрылись все двери и самого меня забрасывали грязью».

Однако пропаганда натурализма не могла иметь длительного успеха и действительно не имела его. Передовые русские читатели не могли примириться с тем об'ективизмом художественного творчества, который провозглашал Золя в своих «Письмах». Произведения Жорж Занд и Гюго, при всем их романтизме, были понятны и дороги русским читателям глубокими идеями социальной справедливости. И именно выступления Золя против Жорж Занд и Гюго вызвали недовольство значительной части русских читателей. В критике, особенно в демократической и народнической прессе, все чаще стали раздаваться голоса, оспаривавшие основные положения натурализма. И к концу 70-х годов в демократической русской печати установилось почти единодушное мнение, что Золя «увлекается чисто формальной стороной затронутого им вопроса».

Редактор «Вестника Европы» М. М. Стасюлевич менее всего был склонен принять на себя ответственность за взгляды Золя. Вначале он сделал несколько попыток смягчить некоторые наиболее резкие положения своего парижского корреспондента. Однако тот не соглашался ни на какие смягчения. В 1879 году Стасюлевич пустился на хитрость: он изменил терминологию писем, вместо «натурализм» был превращен в «реализм». Разумеется это мало помогло делу. Нападки на натуралистическую школу с каждым днем усиливались.

В начале 1880 года Стасюлевич в одном из редакционных примечаний прямо отмежевался от взглядов Золя. С этого времени начинается быстрое охлаждение между «Вестником Европы» и его парижским корреспондентом. Загруженный работой, Золя начинает запаздывать со своими статьями; редакция ему не напоминает о необходимости большей аккуратности. «Парижские письма» печатаются все реже и реже и к концу 1880 года прекращаются совсем.

Впрочем, и сам Золя к этому времени уже не был заинтересован в сотрудничестве в русской прессе. В 1880 году его имя во Франции стояло уже в центре литературных споров, и он имел полную возможность защищать свои взгляды во французской печати.

Статьи и корреспонденции Золя, напечатанные в «Вестнике Европы», полностью не опубликованы на французском языке до сих пор. Еще совсем недавно одна из этих статей, переведенная на французский язык, привлекла к себе за границей большое внимание и вызвала оживленное обсуждение.

К. МАЛАХОВ

Повесть, написанная впопыхах

Деревенский мальчик Тимка, оставшись сиротой, начинает «потрафлять на линию жизни». Он работает в трактире, живет у отставного капитана Никиты Ермолаича, плавает кухонным мальчиком на волжском пароходе, ездит со спекулянтом за хлебом в голодные годы и, наконец, становится вором. Его ловят на месте преступления и вместе с друзьями по воровской шайке направляют на строительство канала Волга—Москва. На этом строительстве Тимка-рыбак и его друзья перевоспитываются.

Таково краткое содержание повести Логинова-Лесняка «Горькая рябина». Тема перевоспитания уголовника — большая и интересная. А когда она связана с показом такого гигантского дела, как строительство канала Волга—Москва, она становится еще важнее и актуальнее.

Канал Волга—Москва один из крупнейших памятников социалистического строительства, говорящий о тех неисчерпаемых возможностях, которые несет с собой социализм. Он был создан трудом замечательного коллектива строителей, передовых стахановцев-рабочих, инженеров и техников, блестяще выполнивших задание партии и правительства.

Между прочим, это строительство стало и школой труда для людей, которые были бы погублены в капиталистических условиях — к участию в строительстве канала были привлечены осужденные преступники. Только в нашей стране стало возможным, что люди, казалось, навсегда потерянные для общества, работают, становятся полноправными гражданами социалистического общества, ударниками и героями труда.

Тем более обидно, что автор, взяв такую тему, так ее испортил своей поспешностью. Повесть писалась впопыхах.

Поспешность сказалась на образе главного героя повести Тимки-рыбака. Если в первых главах, хотя и бегло, но показан путь его от беспризорничества к воровству, то перевоспитание, возвращение Тимки к жизни дано неубедительно и тускло. Этому способствует и то, что, начиная с главы «Кавалеры приехали», автор вводит в свою повесть большое количество персонажей. Тут и работающие в бригаде главного героя уголовники, тут и женщины-уголовницы, тут и кулаки, тут и чекисты, инженеры и т. д.

Действующих лиц врывается в повесть так много, что автор, пытавшийся еще вначале снабдить их какими-то, хотя бы внешними, признаками или дать краткие справки об их биографии, в дальнейшем не успевает делать и этого.

Многие персонажи только названы по фамилиям. А в последних главах (взять хотя бы главу об учебных мастерских, в которых работает Тимка) автор приводит разговоры своих персонажей, даже не называя их. Тимку «затолкали», он потерялся в толпе работающих на канале. Его внутренний мир, и ранее раскрывавшийся автором глухо и мало, совсем оказывается вне поля зрения читателя. Неизвестно даже, почему Тимка становится бригадиром «рябиновой бригады». Трудно понять, каким образом, по каким причинам происходит в нем спасительный перелом, превращающий его из уголовника в ударника.

Спешит автор, показывая воспитательную работу на канале, изображая то, как находят пути к сердцу бывших преступников руководители строительства, каким образом на смену навыков паразитических прививаются навыки трудовые. А ведь это не так легко для воров и бандитов — сменить свою уголовную «романтику» на романтику и героику социалистического труда.

Автор упоминает только о двух воспитательных мероприятиях, которые в повести вызывают исключительный и прямо чудодейственный результат. На страницах 42—43 инженер Лина Касимова ведет беседу с женщинами-уголовницами. Об этом рассказано так слащаво, что трудно поверить, чтобы после нее уголовницы сразу «перековались». Однако в повести этого оказалось достаточным для того, чтобы десятью страницами спустя «отличилась на работе крановщица Клава Анина. Ни минуты не давая отдыха машине, она сумела разгрузить шестьдесят четыре вагонетки с бутовым камнем — сто двадцать процентов нормы».

На стр. 54 рассказывается о том, как Лешку Голубя, приятеля Тимки, подвергают взысканию за то, что он, будучи дежурным по клубу, допустил кулацкую вылазку против одной из ударниц. Это оказывает совершенно магическое влияние на всю группу Тимки-рыбака. Рыбак и Лешка «решают действовать» и сначала «остервенело» избивают кулака Архипова, а потом организуют свою бригаду. И вот уже спустя еще десяток страниц «работа началась ровно и гладко, она убыстряла свой бег, словно колесо ветрянки под сухим крепчающим ветерком, и к концу смены разыгралась до веселых, как в музыке, бурных и сильных темпов. Десятник пришел и отметил сто сорок семь процентов заданной нормы» (стр. 75).

Можно ли так поспешно и поверхностно изображать трудное большое дело возвращения в трудовую семью вчерашних преступников? Поэтому, когда автор рассказывает о героическом поступке Барклая, жертвующего собой, чтобы предотвратить крушение, или о подвиге Тимки, кидающегося в Волгу, чтобы спасти ящик с измерительными инструментами, читатель и не совсем верит и совсем не волнуется. Не потому, конечно, что такие случаи невозможны; сотни и тысячи людей дают на строительстве образцы героизма. Но автор рассказал об этом сухой и поспешной скороговоркой.

Еще больше спешки в показе второстепенных персонажей. Вот, например, Ната. Рассказав на стр. 40-й, как Ната, «приподняв светлые брови над синими, как бы безгрешными глазами», идет к бараку, чтобы слушать беседу Лины Касимовой, и дав маленькую картинку танцовального вечера, на котором появляется Ната, автор считает, что он достаточно показал ее и вполне мотивировал ее приход в бригаду Рыбака. На стр. 72-й сообщается уже, как о факте вполне естественном, что «Натка... хочет быть ударницей в бригаде Рыбака».

Повесть перемежается историко-географическими авторскими отступлениями. В этих отступлениях упоминается о постройке храма «спасителя» в Москве, о попытке турецкого султана Селима второго прорыть канал от Дона до Волги и о работах по постройке Волго-Донского канала при Петре I, о ледниковом периоде и о немецком путешественнике Олеарии и т. п. Вся эта история с географией дается чрезвычайно бегло, наспех и написана как очень поверхностный газетный очерк.

Следы спешки видны и на языке повести. Часто это мало отредактированная заметка. Например: «Учеба в полном разгаре, но случается иногда, что сыроватый, не проварившийся в котле стройки паренек попросится обратно к братишкам» (стр. 93). Или: «Повадки старого паразитического быта в них еще живучи» (стр. 51). Желая сказать поизящнее, автор выражается так: «Люди, вещи и машины втянуты в ее настороженный взгляд» (стр. 67). И рядом с этим такие сочные образы: «Неведомая сила тянет его к словесному излиянию, как изголодавшегося волка к дохлой кобыле» (стр. 83).

Есть слова и образы, которые неизвестно почему нравятся автору, и он их повторяет. На стр. 16 «Барклай без лишних слов взбучивает Тимку так, что тот лишь попискивает». На стр. 58 уже не мальчик, а взрослый десятник Архипов «тоже молчал, лишь попискивал». На стр. 29 баба-молочница «идет прямо в воду — вода ей всего по колена — и даже как будто с удовольствием шагает по мягкому песчаному дну. Выйдя на тот берег, она сполоснула бидон, умылась и пошла своим путем, силясь утащить отсвечивающее на бидонах солнце». Молочница так поразила воображение Логинова-Лесняка, что на стр. 68 она снова «переправляется в брод, вода в реке ей всего лишь по колена. Баба с видимым удовольствием расхлестывает теплый слой воды. Выйдя на тот берег, она споласкивает в реке бидоны, умывается... и спокойно шагает по извилистой тропке. Солнце отсвечивает на металлических молочных бидонах».

Еще в начале 1936 года эту повесть автор предлагал издательству «Советский писатель», а в марте 1937 года, т. е. за три месяца до окончания канала, повесть с некоторыми изменениями и с новым заглавием сдана в набор в издательстве «Молодая гвардия».

Неудача Логинова-Лесняка об'ясняется тем, что он торопился, писал наспех, а в издательстве «Молодая гвардия» не указали ему, что большая тема требует большого труда и что актуальность тематики не понижает, а повышает требования, пред'являемые читателем к художественному произведению.

Логинов-Лесняк, «Горькая рябина», изд-во «Молодая гвардия», 1937 г., стр. 105, цена 2 руб. 75 к., тираж 10000 экз.

Из инвентарной книги...

Музей А. М. Горького

Открывающийся в ближайшие дни Музей А. М. Горького ознакомит сотни тысяч трудящихся нашей цветущей родины с жизнью и творчеством великого пролетарского писателя.

В одиннадцати залах музея собрано около двух с половиной тысяч экспонатов — все, что связано с замечательной жизнью буревестника и бойца революции.

Рукописи, автографы, письма, фотографии, книги, старые издания сочинений писателя, иллюстрации, газетные вырезки, «дела» жандармских управлений, живописные полотна, скульптуры, вещи, которыми пользовался великий писатель.

В первом этаже здания музея расположены помещения Архива Горького, в котором хранится около **50 тысяч** самых разнообразных исторических реликвий.

*

Сулейман Стальский, один из замечательных народных певцов, писал о Горьком:

Ты нес любовь в сердца людей,
Ты — светоч сталинских идей,
Наш буревестник светлых дней,
Мой незабвенный милый друг,
Врагам земли внушая страх,
Как крыльев сокола размах,
Твой голос реет в облаках,
Великий наш любимый друг.

Среди фотографий на одном из стендов — рисунок, на котором изображен Алексей Максимович Горький, беседующий с Сулейманом Стальским на Первом всесоюзном с'езде советских писателей в 1934 году.

*

Больше сорока лет назад Горький печатал под странным, но выразительным псевдонимом «Иегудиил Хламида» фельетоны в «Самарской газете» и в «Волжском вестнике» в Самаре.

В витрине, на пожелтевших номерах самарских газет — палка Иегудиила Хламиды, сделанная из крепкого дерева, корявая, чуть-чуть узловатая. Палка сделана каким-то кустарем по заказу писателя. Ее обвивает тонкая чеканная змея из потемневшей бронзы.

С этой палкой писатель бродил по окраинам и пристаням Самары.

Здесь же — старомодная крылатка. Ее носил Алексей Максимович в те же дни самарского периода.

*

На цветном рисунке художника Успенского — осколок старого Нижнего Новгорода. Тюрьма бойкого, «развеселого» приволжского города...

За высокими белыми стенами, в тесной камере был заключен А. М. Горький в 1901 году.

«Там на прогулках я впервые встретился с А. М. Горьким. Он тогда в то время находился в тюрьме под особым надзором и сидел в нижнем этаже, в самой мрачной, сырой и жуткой башне. В этой башне на стене он нацарапал слова песни «Солнце всходит и заходит» и подписал свое имя и фамилию».

Так вспоминал об Алексее Максимовиче И. Сутягин, работающий сейчас на заводе «Красное Сормово».

*

Художник Тонтини, учитель гимназии Гладков, барон Бухгольц, бывший полицейский чин, вор Николка-Генерал, приютские ны... Здесь А. М. Горький находил правдивые и страшные материалы. Находил изображаемое им «дно», которое превратилось в полноценное золото реалистического произведения — известной всему миру пьесы «На дне».

Вот страница из рабочей тетради писателя. Десятки раз он перерабатывает не только текст, но и перечеркивает имена героев, изменяет название пьесы.

«Без солнца»... «Ночлежка»... «На дне жизни»... так называлась пьеса в процессе работы. И только потом Горький назвал ее «На дне»...

*

В витринах музея почти во всех залах, посвященных дореволюционным годам жизни великого пролетарского писателя, находится больше двадцати «дел» жандармских и полицейских управлений, царской охранки.

В них говорится о «крамольных» деяниях нижегородского мещанина Алексея Пешкова.

*

За зеркальными стеклами, в витринах Музея А. М. Горького выставлены редчайшие рукописи. Среди них — «Фома Гордеев», «Весенние мелодии» («Песня о Буревестнике»), «Мать» — позднейший вариант, «Жизнь Клима Самгина», «Песня о соколе», «На дне» — первый вариант, «Человек», «Детство».

Кроме рукописей, в окантовках, на стендах, в витринах — десятки записок, заметок, писем, фотографий А. М. Горького.

*

Изображения писателя в живописи, скульптуре и графике представляют собой замечательный памятник Алексею Максимовичу.

В музее собраны ценнейшие произведения русских мастеров изобразительного искусства, посвященные А. М. Горькому.

В залах музея висят портреты А. М. Горького работы Н. В. Нестерова (1901 год), В. А. Серова (1905 г.), Бегаса (1910 г.), Шлеина (1910 г.), И. Бродского (1910 г.) и др.

Много скульптурных изображений А. М. Горького. Среди них работы И. Гинзбурга (1904—1909 гг.), чехословацкого скульптора Сайика, работавшего с натуры во время пребывания Горького на Капри, известный бюст работы скульптора Крандиевской и т. д.

Галлерею скульптур дополняет бронзовая голова «Старухи Изергиль», работы известного русского скульптора Голубкиной.

*

В залах музея поставлено несколько макетов постановок пьес А. М. Горького в театрах Москвы и крупнейших городов Советского Союза. Среди них — «Враги» на сцене Московского ордена Ленина Художественного Академического Театра; «Егор Булычев и др.» — в театре им. Вахтангова и т. д.

*

«... Будет война... Надо готовиться. Надо быть застегнутыми на все пуговицы...» — вот, что говорил великий пролетарский писатель, умирая.

Алексей Максимович помнил об опасности войны, об угрозах кровожадного фашизма.

В зале музея, посвященном теме «Горький и буржуазно-капиталистический Запад», собраны материалы, характеризующие роль Горького и его зарубежных друзей-единомышленников в борьбе за мир, — против фашизма и войны.

«Чума, — говорил Алексей Максимович, — почти исчезла, и теперь роль ее на земле исполняет буржуазия».

*

К дням открытия Музея А. М. Горького готовится специальная группа экскурсоводов, состоящая из девяти специалистов, окончивших Вечерний литературный вуз при ССП СССР.

Научные сотрудники музея проводят с группой экскурсоводов цикл бесед.

Экскурсоводы часто встречаются также с людьми, близко знавшими А. М. Горького.

Юр. АР.

В критической секции ССП

Второе собрание критической секции ССП, назначенное на 21 сентября для довыборов двух членов бюро секции, **не состоялось из-за отсутствия кворума.**

Секция «собиралась» с пяти до семи часов вечера и, пересчитав ряды, констатировала, что собралось всего около 40 человек из 140, формально числящихся в составе ее.

Этот факт свидетельствует, что работа критической секции в результате длительного бездействия совершенно разложена, и союзу необходимо принять решительные меры, чтобы вновь создать работоспособную секцию критики.

Писатель Республиканской Испании Артуро Серрано Пляха в траншеях на мадридском фронте.

Ниже мы публикуем полученное нами от Артуро Серрано Пляха письмо — приветствие писателям СССР.

Para los camaradas de la Asociación de Escritores Soviéticos, desde este parapeto madrileño, sabiendo muy bien lo que significa la solidaridad de la URSS con nuestro pueblo.

Valencia, 6 de Septiembre 1937

Arturo Serrano Plaja

Привет товарищам из союза советских писателей — с парапета траншеи у Мадрида. Привет человека, очень хорошо знающего, что такое солидарность СССР с нашим народом.

АРТУРО СЕРРАНО ПЛЯХА.

Валенсия. Сентябрь 1937 г.

«Город юности»

Небольшая книжка эта, хорошо изданная «Молодой гвардией», с первых же строк привлекает к себе симпатии читателя. Чувствуется, что ее писали молодые, жизнерадостные комсомольцы, что писали они о теме близкой и волнующей — о знаменитом строительстве города Комсомольска на Амуре.

На эту тему следовало бы написать книгу побольше или даже несколько книг — настолько по-настоящему молода и героична история этого города и его необычных строителей.

Но в качестве первой и пока единственной ласточки книга хорошо справляется со своей задачей.

Рассчитанная на молодежь, написанная легким и доступным языком, она просто и деловито рассказывает о людях, строивших — и доныне строящих — советскую твердыню на Амуре.

Ничего не обойдено в ней, ничто не приукрашено. Строительство города, особенно на первых порах, сильно осложнялось всякого рода неполадками, вызванными нераспорядительностью начальников и неопытностью самих строителей.

Молодые энтузиасты работали в трудных условиях. Нехватало инструментов, не было жилья, одежды. Недостаток инструментов (на всем строительстве вначале было 23 топора) вызвал к жизни невиданные, наспех импровизированные методы работы. При раскорчевке строительных площадок придумали такой способ: дерево подрубали топором, потом кто-нибудь, вскарабкавшись на верхушку, привязывал к ней веревку. «Бригада хваталась за веревку и тянула ее до тех пор, пока дерево не падало. Это называлось «нахальным методом» корчевки».

Суровый климат и тяжелая работа, неустроенное жилье, трудные условия быта вызвали дезертирство некоторой неустойчивой части комсомольцев.

И как ни мало их было — они принесли большой вред строительству. Потребовалось страшное напряжение сил всего здорового коллектива. Но победив, это здоровое ядро получило такую закалку, при которой стали нестрашны все последующие беды и невзгоды.

Выдающиеся люди выросли вместе с городом: Алексей Смородов, в прошлом колхозник Горьковского края и участник строительства Автозавода, бригадир лучшей бригады плотников, вместе с маршалом Советского Союза т. Блюхером заложивший первый камень большого завода в Комсомольске; киевлянин Макаренко, робкий и незаметный вначале, а потом сделавшийся бригадиром знаменитой на строительстве бригады, и много других.

Прошло пять лет с тех пор, как они впервые приехали сюда на пароходе «Колумб» строить чудесный город посреди глухой и негостеприимной тайги.

Город еще строится и будет строиться долго, но самое трудное уже позади.

Книгу кончают другие авторы, многочисленные, хоть и незнакомые строителям, друзья города, письма которых ежедневно приходят в Комсомольск со всех концов страны. Несколько таких писем заключают книгу.

Комсомольцы, молодежь Москвы, Ленинграда, Ижевска и десятков других городов, девушки, откликнувшиеся на призыв Хетагуровой, пишут о своем желании «навечно» поселиться и работать в «нашем городе Комсомольске».

Небольшая книжка Ю. Жукова и Р. Кронгауза, не претендуя на особые литературные достоинства, скромно и просто справляется с задачей — рассказать молодежи нашей страны о строителях славного города Комсомольска на Амуре.

З. ЧЕР.

«Город юности», Ю. Жуков, Р. Кронгауз. Издательство «Молодая гвардия», 1937 г., цена 2 р. 50 к.

Заметки писателя

Ю. ОЛЕША

О фантастике Уэллса

1.

Мне было десять лет.

Как ко мне попал этот листок? Не знаю. Страница из английского иллюстрированного журнала. На глянцовитой бумаге напечатаны были одинакового формата картинки. Теперь мне кажется, что они были крошечные, величиной в почтовую марку.

Что было изображено на картинках?

Фантастические события.

Одно из этих изображений я запомнил на всю жизнь. Какой-то закоулок среди развалин дома. И протягиваются железные щупальцы нето через оконную раму, нето из-за косяка, нето через брешь в стене. Железные щупальцы! И человек, спрятавшийся в закоулке, дико оглядывается на них. Что это за щупальцы? Неизвестно! Они шарят по комнате, ища именно этого прижавшегося к стене и белого от страха человека.

Как я напрягал воображение, чтобы разгадать смысл этого зрелища!

Я знал, что это не иллюстрация к сказке. Действие сказок происходило в давно минувшие времена. Там были терема или замки. Действующие лица сказок не были похожи внешностью на тех людей, которые окружали меня. Царевны в кокошниках, короли с мечами, крестьяне в полосатых чулках. А тут все было современно! Развалины обыкновенного дома. Содранные обои. Повисший провод. Кирпичная труба. Куча щебня в углу. И человек был одет в черный городской костюм.

Это не была сказка!

И я подумал тогда, что передо мной изображения событий, которые были на самом деле. Да, эти картинки были похожи на фотографии. Маленькие, четкие, блестящие, с такими современными изображениями, как человек в пиджаке с белеющим воротником и перекошенным галстуком.

Фотографии чудес!

Если это фотографии, то, значит, где-то и почему-то произошел ряд таких событий, во время которых какой-то человек прятался в развалинах дома, и его искали железные щупальцы.

Что же это за события?

Все стало на место несколько лет спустя. Я прочел роман Уэллса «Борьба миров». Поразившие меня картинки и были иллюстрациями к этому роману.

2.

Умение изображать фантастические события так, что они кажутся происходящими на самом деле, и составляет главную особенность таланта Уэллса.

Он превращает фантастику в эпос.

Действительно, кажется, что все это было! Что? То, что однажды в маленьком английском городке появился невидимый человек. Невидимка! Я не знаю, как другие читатели, но когда я читаю «Невидимку», мне бывает очень трудно отделаться от мысли, что я читаю рассказ об истинных происшествиях. Я испытываю, примерно, такое же ощущение, как при чтении исторических романов. Все кажется небычайным, однако, я знаю, что все это было.

Какими средствами добивается Уэллс этой достоверности?

Он понимает, что если условна фабула, то лица, разыгрывающие ее, должны быть как можно более реальны. Этим и достигается достоверность того, что на самом деле выдумано.

Вот деталь из «Невидимки». Невидимка напал на представителя порядка, полковника Эдая. Тот держал в руке револьвер. Невидимка отнял у него оружие. Сейчас невидимка выстрелит в полковника Эдая. Казалось бы, как все просто! Но Уэллс, прежде чем приступить к действию, считает нужным заняться кое-какими деталями. И эти-то детали и создают убедительность. Вот как пишет Уэллс:

«Эдай снова провел языком по губам. Он отвел взгляд от револьвера, увидел вдали море, очень синее и темное в блеске полуденного солнца, гладкие зеленые холмы, белый утес, многолюдный город,—и вдруг почувствовал, как прекрасна жизнь».

Полковник Эдай — второстепенный персонаж в романе. Тем не менее, он очерчивается психологически.

Как описывается сам невидимка?

«Я поехал на похороны отца. Я весь был поглощен своими исследованиями, и я палец о палец не ударил, чтобы спасти его репутацию. Я помню похороны, дешевый гроб, убогую процессию и старого университетского товарища отца, совершавшего над ним последний обряд,— жалкого, черного, скрюченного старика, страдавшего насморком.

Я вспоминаю, как я шел назад с кладбища в опустевший дом, по месту, которое было некогда деревней, а теперь приобрело уродливое сходство с городом. Вспоминаю себя: худая, черная фигура, шагающая по скользкому блестящему тротуару».

Заметьте: дешевый гроб, убогая процессия, университетский товарищ, страдающий насморком. Худая, черная фигура шагает по скользкому тротуару. Какие реалистические подробности! Они накапливаются постепенно. Сперва наше внимание занято только невероятностью самой ситуации — невидимый человек! Но уже через несколько страниц это чувство заинтригованности начинает соединяться со множеством разнообразных чувств, которые мы обычно переживаем, когда следим за развитием человеческой судьбы. И, повторяю, фантастика превращается таким образом в эпос. Разве не эпичен конец «Невидимки»?

«...на грязной постели, в убогой комнате, окруженный толпою невежественных людей, разбитый и израненный, преданный другом и безжалостно затравленный, окончил в безмерных страданиях свою странную и ужасную жизнь Гриффин, первый из людей, сумевший превратиться в невидимку. Гриффин — самый даровитый из физиков, существовавших на свете».

3.

У него в романах много велосипедистов. В большинстве случаев это мальчики. Они появляются как раз тогда, когда требуются наиболее любопытные зрители для того или иного удивительного события. В «Первых людях на луне» такой мальчик-велосипедист решает своим вмешательством финал романа.

Этот образ мальчика-велосипедиста чрезвычайно симпатичен Уэллсу. Может быть, Уэллс вспоминает свою юность? Я не знаю его биографии. Кажется, он был аптекарским учеником. Можно легко представить себе этого молодого аптекарского ученика раскатывающим по дорогам между маленькими английскими городками, которые он впоследствии так любовно описал.

Вспомните пейзаж его романов. Это именно дороги между маленькими городками, сами эти городки с коттеджами, тавернами и огородами, эти цветущие изгороди, выглядывающее из-за холмов море. Что это за пейзаж? Это пейзаж велосипедных прогулок.

Вот отрывок из романа «Пища богов». В этом романе фигурируют гигантских размеров животные, растения и люди.

«...Велосипедист, проезжавший между Севеноком и Тенбриджем, чуть не наехал на другую такую же осу, которая переползала через дорогу. От испуга она взлетела кверху, шумя наподобие паровой пилы, а он упал с велосипеда, и когда пришел в себя, то увидел осу, летящую над кустами по направлению к Вестеграму».

Этот отрывок типичен для Уэллса. Он всегда изображает лето! В самом деле, все романы и рассказы Уэллса разворачиваются на летнем фоне. Только в «Невидимке» много говорится о тумане и снеге. Этого потребовал сюжет. Туман и снег делали невидимку видимым.

В самых стремительных ситуациях Уэллс не забывает описать какую-нибудь живность, двух бабочек, гоняющихся друг за другом, калитку.

Гигантская оса! Разве это не летняя фантазия?

Можно допустить, что велосипедист, проезжавший между Севеноком и Тенбриджем, был не кто иной, как сам Уэллс. Он отдыхал под кустами и увидел обыкновенных ос. И он стал фантазировать на тему о том, что было бы, если бы появились гигантские осы. В этой фантазии чувствуется какая-то упоенность миром. Послушайте, что произошло с одной из гигантских ос. Она влетела в окно читальной залы Британского музея. Сперва она оставалась во дворе здания, а потом

«...стала ползать по карнизу вокруг купола, и, встретив открытое окно, с шумом влетела в зал. Появление ее вызвало, конечно, панику между читателями, но оса, полетав немного под потолком, мирно вылетела, кажется, в то же окно».

Какая очаровательная игра воображения! Я уж не говорю о том, как правильно разработана здесь фантазия. В самом деле, можно ли придумать более выразительную декорацию для гигантской осы, чем купол, вокруг которого она ползает? Дело тут не в мастерстве. Дело в том, что фантазия эта чрезвычайно чиста. Опять-таки хочется повторить, что она могла родиться только от упоенного отношения к миру.

Уэллс начал писать в конце девятнадцатого века. «Машина времени» появилась в 1895 году. «Невидимка» — в 1897-м. При одном из чтений этого романа я обратил внимание на одно обстоятельство, которое прежде от меня ускользало. А именно: изображенный в нем Лондон полон кабриолетами. Это еще старый город. Автомобиль в этом романе не упоминается ни разу. Картина жизни еще не была видоизменена техникой в той мере, в какой она изменилась спустя десятилетие. Но эти изменения уже намечались. Уэллс улавливал их.

В романе «Когда спящий проснется» он упоминает имя Отто Лилиенталя, конструктора первого планера. Роман этот, собственно, и явился результатом размышлений Уэллса о возникавшей в мире авиации.

Аптекарский ученик стал писателем как раз тогда, когда в мире начиналась современная нам великая техника. Отношение к миру у него осталось таким же — упоенным. Если прежде ему в голову приходил образ гигантской осы, то теперь он представлял себе удивительную машину. Сущность не изменилась. Машины внесут в жизнь элементы нового интереса, новой увлекательности.

И Уэллс воображает снаряд, в котором два человека совершают путешествие на луну. Сколько юмора в «Первых людях на луне»! Можно сказать, что они написаны приемами юмористического романа.

Однако сквозь беспечность прорывается также и тревога. Уэллс задумывается о судьбе человека, который будет жить среди великой техники. Появляется «Борьба миров». Это роман о человеке и машинах. В условиях капиталистического мира Уэллс не мог притти к правильному выводу. Человек у него страшно одинок. Машины превращаются в чудовищные треножники марсиан, они мрачно возвышаются среди цветущего летнего мира. Человеческая фигура в ужасе прижимается к стене, и металлические щупальцы тянутся к ней сквозь развалины.

4.

В одном из своих последних произведений, — в сценарии, который в русском переводе носит название «Облик грядущего», — Уэллс изображает гибель капиталистической техники.

Разразившаяся в мире война продолжалась бесконечно. Отдельные шайки стали захватывать власть в разных странах мира. Пользуясь оставшимся у них на руках оружием, эти шайки воевали между собой. Уэллс дает портрет главаря одной из таких шаек. Это недвусмысленная карикатура на фашистских фюреров и дуче. Главарь этой шайки владеет городом Эвритуаном. Город разрушен. От великой техники остались обломки. Однако война продолжается. Главарь увлечен идеей войны —постоянной, вечно продолжающейся. Война! Война!

И когда читатель готов думать, что все обречено на окончательное умирание, вдруг подается весть из некоего неведомого мира. Весть, свидетельствующая о том что интеллектуальная сила продолжает существовать в мире. Оказывается, что среди всеобщего разрушения уцелел очаг культуры. Басра. Там сосредоточились последние механики, инженеры и летчики. Люди машин, люди техники — некий орден рыцарей прошлой культуры, который поставил себе девизом возрождение мира на новых основах.

Главарь шайки не хочет признавать существования какой-либо другой силы в мире, кроме его силы — военной. Однако прилетают из далекого оазиса аэропланы и специальным газом усыпляют Эвритуан. Так кончается старый капиталистический мир. Начинается новая культура. Миром правят ученые, инженеры. Мир стал счастливым.

Здесь Уэллс опять возвращается к ложной и вредной идее технократии.

Идея технократии давно кажется Уэллсу выходом из путаницы капиталистического мира. Этой идее он хочет доставить торжество и в «Облике грядущего».

Уэллс — буржуазный писатель. Идеи его ошибочны. Но он увидел ужас капиталистического мира. Ведь это ему принадлежит выражение, что капиталистическое общество больно чумой души!

В своих новых произведениях Уэллс приближается к антифашистскому фронту. «Облик грядущего» обвиняет фашизм в проповеди войны и разрушения культуры.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

1774 год «Страдания молодого «Вертера»

В сентябре 1774 г. вышло первое издание «Страданий молодого Вертера». Впоследствии Гете несколько переработал первоначальный текст, и в 1787 году — сто пятьдесят лет назад — «Вертер» вышел в новой редакции.

Роман этот дает в форме любовной трагедии конфликт между человеком и миром. Основная его мысль — жизнь сильнее человека, борьба с ней обрекает человека на гибель.

Общеизвестно, что основой сюжета «Вертера» послужила неразделенная любовь Гете к Шарлотте Буфф. В тот период Гете был весьма близок к самоубийству. «Прекрасно помню, — писал он впоследствии, — какой решимости и какого напряжения сил стоило мне в то время бороться с волнами смерти». Он изучал различные способы самоубийства и остановился в конце концов на кинжале. Неоднократно он был близок к тому, чтобы «всадить себе в грудь тонкий клинок дюйма на два».

Известие о самоубийстве одного из друзей, также страдавшего от неразделенной любви, отрезвило Гете. Нервное напряжение разрядилось, и, спустя полтора года, когда чувство к Шарлотте уже остыло, он в течение четырех недель написал «Вертера».

В мировой литературе не было книги, успех которой при первом появлении был бы равен успеху «Вертера». В течение нескольких лет книга вышла в огромном количестве изданий, была переведена на множество языков и вызвала к жизни бесчисленное количество подражаний, продолжений, переработок, инсценировок и перепевов.

О «Вертере» слагались стихи и песни. Франты и щеголи всей Европы носили вертеровский костюм: синий фрак, желтые брюки и высокие сапоги. Во многих городах в честь «Вертера» были поставлены памятные урны. По словам мадам де-Сталь, «Вертер» вызвал «больше самоубийств, чем величайшая красавица мира».

Разумеется, этот феноменальный успех был вызван не только формальными достоинствами романа, но прежде всего его глубоким соответствием настроениям культурных кругов германского и, до известной степени, всего европейского общества в конце XVIII века. Чувствительность и глубокая неудовлетворенность окружающей жизнью, воспитанные Руссо и Стерном, порождали пессимизм и меланхолию. «Элегии» Грея, «Ночи» Юнга и «Гамлет» были тогда самыми популярными литературными произведениями.

Гете вспоминал потом об этом увлечении «Гамлетом»: «Все мы знали главные места этой трагедии наизусть и читали их вслух при всяком удобном случае, думая превзойти в меланхолии самого датского принца, хотя никто из нас никогда не видел духов и не был озабочен необходимостью отомстить за смерть царственного отца».

Вполне понятен успех «Вертера» в подобной атмосфере меланхолии и пессимизма. Гете правильно отмечал впоследствии, что «Вертер» «ни в коем случае не был причиной болезни, возбудителем горячки, он лишь вскрыл зло, таившееся в юных душах». Гете показал людям своего времени их портрет, весьма возвышенный и опоэтизированный.

В этом заключался секрет успеха и неотразимого очарования этого произведения, которому не могли противиться даже люди, чуждые какой бы то ни было меланхолии и пессимизма. Известно, например, что Наполеон семь раз перечитал «Вертера», знал его почти наизусть и при встрече с Гете предложил внести ряд тех самых исправлений, которые Гете уже внес до этой беседы в новое издание своей книги.

Столетний юбилей А. Н. Веселовского

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). В феврале 1938 года исполняется сто лет со дня рождения ученого, историка и теоретика литературы Александра Николаевича Веселовского. В Институте литературы Академии наук СССР на-днях состоялось заседание учебного совета, посвященное предстоящему юбилею.

К столетию со дня рождения А. Н. Веселовского намечено переиздать его классические труды о поэтике и сборник малоизвестных статей о западной литературе; предполагается созыв специальной юбилейной сессии отделения общественных наук Академии.

Для подготовки юбилея выделена комиссия.

Новые издания «Всемирной библиотеки»

Редакция «Всемирной библиотеки» Журнально-Газетного об'единения выпускает новые, еще не появлявшиеся в советских издательствах книги иностранных писателей.

Среди них — произведения иностранной антифашистской литературы.

В октябре выйдет роман **Генриха Манна «Юность Генриха IV»**. Несмотря на то, что автор говорит в своем романе о давно прошедших временах, книга его актуальна. Она трактует вопросы гуманизма и борьбы с фашизмом.

К двадцатилетию Великой Пролетарской революции «Всемирная библиотека» выпускает новый роман **В. Бределя «Твой неизвестный брат»** — о героической борьбе коммунистической партии в Германии.

Автор посвящает свою книгу «Свободным гражданам социалистической Страны Советов к XX годовщине их победы».

В ближайшие дни выходит новая книга **Эгон Эрвина Киша «Высадка в Австралии»**. Это — художественный репортаж, в котором Киш рассказывает о своей поездке на международный антивоенный конгресс в Австралию в 1934 г. в качестве делегата Международного комитета борьбы против войны и фашизма.

Написанная с обычной для Киша остротой и яркостью, книга знакомит читателя с политической борьбой, бытом и нравами Австралии.

Находятся в печати: книга бразильского писателя **До Рэго «Негр Рикардо»**, рассказывающая о революционной борьбе и о просыпающемся классовом сознании негров-рабочих Бразилии; роман **Вайскопфа «Искушение»**, который рисует Германию первых дней фашизма; роман **Марселя Эме «Мельница на Сурдине»**.

Тиражом в 40 тысяч экземпляров в издании «Всемирной библиотеки» в непродолжительном времени выйдет роман **Лиона Фейхтвангера «Лже-Нерон»**.

Неизвестная записная книжка Гоголя

Недавно в Ленинграде найден неизвестный до сих пор подлинник записной книжки Н. В. Гоголя.

Эта записная книжка, содержащая интересные записи и рисунки великого русского писателя, хранится ныне в архиве Института литературы Академии наук СССР.

Полный текст записной книжки подготовляется к печати и будет воспроизведен в соответствующем издании.

■ ■ ■

«Гоголь, — писал В. И. Шенрок, — постоянно чувствовал необходимость в записных книгах...». Небольшая часть из этих книг описана П. А. Кулишом в «Записках о жизни Гоголя». Но кроме больших записных книг, которые Гоголь заполнял черновиками своих произведений, он постоянно пользовался маленькими карманными записными книжками, большая часть которых в настоящее время должна считаться утраченной.

Прежние владельцы рукописей великих писателей — Пушкина, Лермонтова, Гоголя, равно как и известная часть первых издателей и исследователей их творчества, имея в своем распоряжении «непочатый край» неопубликованных рукописей основных первоклассных произведений классика, не дорожили «мелочами» — записными книжками, заполненными личными, бытовыми записями писателя, разрозненными черновиками менее значительных или незаконченных произведений, заметками на клочках бумаги.

Эти «мелочи» раздавались направо и налево прежними их владельцами на правах личной собственности. Первые издатели произведений классиков, напечатав их, также по большей части не интересовались дальнейшей судьбой драгоценных клочков бумаги.

Сходную судьбу имела, повидимому, и описываемая нами маленькая записная книжка Гоголя.

П. А. Кулиш, подготовляя к печати собрание сочинений Гоголя (1857 г.), предполагал опубликовать записи карманных записных книжек писателя в дополнительном седьмом томе издания, но не осуществил этого намерения.

Примерно в эти же годы, после смерти писателя, племянник Гоголя Н. П. Трушковский переписывает своей рукой наиболее значительные тексты из находившихся в его распоряжении записных книжек Гоголя.

Впервые небольшая часть текста этих записных книжек была опубликована Н. С. Тихонравовым в «Царе-Колоколе» (1892, III). «Не знаем, — писал об этой публикации В. И. Шенрок, — имел ли Н. С. Тихонравов под рукой самые подлинники, но в его бумагах их не оказалось». Повидимому, Н. С. Тихонравов печатал тексты по копиям Н. П. Трушковского.

Значительно большее количество текстов записных книжек Гоголя напечатал — также не имея перед глазами подлинника, по копиям Трушковского — В. И. Шенрок в десятом издании сочинений Гоголя 1896 г., воспроизведя и часть текстов описываемой нами записной книжки.

Естественно, что, не имея перед глазами подлинника, В. И. Шенрок не мог проверить качество очень несовершенных копий Трушковского и печатал текст Гоголя с пропусками и искажениями. Так, например, В. И. Шенрок напечатал запись Гоголя о Крылове:

«О Крылове: Вот чисто, без всякой примеси, русский.» Тогда как в самой записной книжке мы читаем:

«О Крылове. Вот честно, безо всякой примеси русские поня[тия?]. Золотые зерна ума. Ум безо...»

Но значение вновь найденной книжки заключается не только в том, что она помогает нам исправить печатавшийся до сих пор с искажениями гоголевский текст. Дело в том, что В. И. Шенрок напечатал далеко не все, опустив записи личного и бытового характера, а также многочисленные рисунки.

Найденная записная книжка — небольшого формата 97 × 76 мм, в темно-красном кожаном переплете с кожаной же петлей для карандаша и металлической застежкой. К записной книжке приложен продолговатый — формата визитной карточки — листок бумаги с надписью чернилами рукою Гоголя:

N. de Gogol

В записной книжке — 76 листков. Часть из листков, повидимому, утрачена. Запись в книжке Гоголем производилась с двух ее концов. Замечательна запись на л. 22:

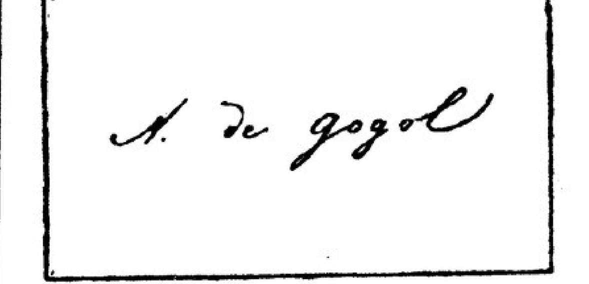
«**Характер.** Не в силах победить себя [к] в отношении к ничтожным приличиям. Из гордости благород[ной] из нежеланья показать своего бедственного затруднит[ельного] положения входит в затруднитель[нейшее]. Не могущий вынести унижения от низших товарищей бедняк разорившийся нищий от того что не имеет духу назвать себя нищим и в нещастнейшем положении все еще отплатит за одолжение одолженьем равной и цены. Богатому отплатит он таким же порядком. Умный человек и не в силах победить ни одного из сих пустых прилич[ий].

Рисунок в записной книжке Н. В. Гоголя.
Воспроизводится впервые.

Эта запись (напечатанная с ошибками В. И. Шенроком) представляет исключительный интерес по своей связи с переживаниями самого Гоголя в этот период и с его материальным положением. В письме к Н. Я. Прокоповичу из Рима от 17/5 апреля 1843 г. Гоголь писал о своем бедственном положении:

«...В Москву дошли слухи, что я сижу уже более шести месяцев без копейки денег... Два раза я мог бы просто умереть от нужды и голода...». В таком состоянии Гоголь и обратился к своим хорошим знакомым — С. Т. Аксакову, С. П. Шевыреву и М. П. Погодину — с просьбой помочь ему, взяв на себя на три года заботы о материальной стороне его жизни, и тем самым дать ему возможность эти три года посвятить исключительно творческой работе.

Письмо к С. Т. Аксакову об этом деле от 18 марта 1843 г. из Рима имеет самое прямое отношение к приведенной записи Гоголя из записной книжки. Вот что писал Гоголь своим друзьям: «...Вы должны принесть для меня жертву, соединившись втроем вместе:

Визитная карточка, написанная рукой Н. В. Гоголя.
Воспроизводится впервые.

вы, Шевырев и Погодин, — взять на себя дела мои на три года. От этого все мое зависит — даже самая жизнь... Если не достанет и не случится к сроку денег, собирайте их хотя в виде милостыни. **Я нищий и не стыжусь своего звания».** И дальше, — говоря о том, что его мать — в свою очередь — просит его о материальной поддержке и, что он, Гоголь, сам находясь в еще более бедственном положении, не решается — вот уже третий месяц — сознаться в своей бедности и написать матери ответ, — Гоголь замечает: «...**Но для того, чтобы разумно поступить в этом... деле мне нужно взглянуть, как на совершенно постороннее для меня дело, взглянуть так, как я гляжу на характер и положение лица, которое принимаюсь внесть в мое творение...»**

Связь этих строк с записью в записной книжке — очевидна.

Повидимому, к этим — 1843—1844 — годам и следует отнести заполнение этой записной книжки Гоголем. Смерть И. А. Крылова в 1844 году хорошо об'ясняет появление записи Гоголя о Крылове в записной книжке именно этих лет.

Листки записной книжки заполнены многочисленными рисунками. Это — беглые зарисовки пейзажей и зданий, сделанные свинцовым карандашом. Гоголь много рисовал в Италии: «...У меня теперь прекрасный товарищ — писал Гоголь в одном из писем к А. С. Данилевскому. — Мы ездим каждый день с Жуковским, который весь влюбился в него (Рим — **Б. Г.**) ...Мы с Жуковским рисовали на лету лучшие виды Рима. Он в одну минуту рисует их по десяткам...». Одна из этих беглых зарисовок Гоголя и воспроизводится здесь.

Б. П. ГОРОДЕЦКИЙ.

Последние рассказы Горького

Гослитиздат выпускает **сборник последних рассказов А. М. Горького.**

В книгу включены произведения, созданные писателем за 12 лет — с 1924 по 1935 годы, в том числе рассказы «Шорник и пожар», «Экзекуция», «Орел», «Рассказы о героях» и др.

Антология античной литературы

Незадолго до своей смерти А. М. Горький наметил широкий план изданий по истории русской и мировой литературы.

Издательство «Советский писатель» выполняет это посмертное желание великого писателя. В непродолжительном времени выйдет **двухтомная антология «Античная литература»**, которая ознакомит советского читателя с основными фактами развития литературы древней Греции и Рима.

Первый том антологии посвящен литературе Греции.

Во втором томе собраны лучшие произведения римских писателей.

Произведения даны в лучших — из существующих — переводах. Многие вещи появятся на русском языке впервые.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ НА МОСКОВСКИХ ЗАВОДАХ

Большая литературная работа развернута на Шарикоподшипниковом заводе им. Л. М. Кагановича. В заводской газете «За советский подшипник» часто выходят литстранички, посвященные крупнейшим советским писателям и классикам (Горькому, Пушкину, Герцену, Маяковскому и т. д.). В заводском клубе ежегодно проводится цикл лекций по литературе и искусству. Перед каждой лекцией многотиражка дает предварительный материал с целью помочь слушателям.

18 сентября состоялась лекция-концерт на тему «Великое содружество народов СССР», после которой были исполнены стихи, песни и пляски народов СССР. В многотиражке среди материала к этой лекции были помещены стихи Сулеймана Стальского, Джамбула и Янки Купалы.

Завод часто посещают писатели. За последнее время здесь побывали тт. Асеев, Луговской, Кирсанов, Сурков, которые читали свои новые произведения.

Уже более месяца на Велозаводе идет подготовка к большому литературному вечеру, посвященному обсуждению романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина».

64 рабочих ремонтно-механического цеха готовятся выступить на этом вечере.

После обсуждения книги будет организован коллективный просмотр «Анны Карениной» в МХАТ СССР им. Горького.

Драматический кружок Велозавода готовит постановку пьесы А. Н. Островского «Не было ни гроша, да вдруг алтын».

Комната А. Н. Радищева в московском Музее революции

135-летие со дня смерти А. Н. Радищева ознаменовано в московском Музее Революции открытием специальной комнаты, посвященной писателю-революционеру, борцу за свободу русского народа.

Центральное место среди выставленных экспонатов занимает редчайший экземпляр «Путешествие из Петербурга в Москву», которое было напечатано А. Н. Радищевым в своей маленькой домашней типографии.

В одной из витрин выставлено подлинное письмо А. Н. Радищева к императору Павлу I о разрешении приезда из ссылки в Петербург для встречи с детьми.

Музеем Революции собраны рукописи и книги А. Н. Радищева, написанные им в ссылке в Илимске, его портрет работы неизвестного художника, карта с маршрутом путешествия писателя из Петербурга в Москву и т. д. В первом этаже музея, в вестибюле, стоит огромный бюст А. Н. Радищева работы ленинградского скульптора Л. Шервуда.

Вместо обзора печати

ОБАНКРОТИВШИЙСЯ РЕДАКТОР

Притупление политической бдительности у ряда белорусских руководящих работников в области искусства привело к тому, что на этом участке долгое время безнаказанно вредили буржуазные националисты, троцкисты, бухаринцы и прочие контрреволюционеры. Под крылышком Управления по делам искусств при Совнаркоме БССР (бывшие руководители — Ткачевич, Пасюкевич и руководитель театрального отдела Модель), а также при поддержке драмсекции ССП (руководитель драмсекции, он же ответственный редактор газеты «Лім» Гурский, его заместитель по секции и присяжный театральный критик «Лім» — все тот же Модель) вокруг белорусского театра группировались Голубко, Сташевский, Чарот, Згировский, Звонак и другие злейшие враги белорусских трудящихся.

Вся деятельность этих негодяев была направлена на развал театрального фронта. При попустительстве ротозеев и двурушников врагам удалось принести театральному делу немалый вред.

Республиканская газета «Литература и мастацтва» старательно закрывала глаза на творящиеся безобразия. Газета не критиковала вредных постановок и антисоветских пьес, не разоблачала вражеских вылазок. Вся политически вредная мазня «драматургов» усиленно расхваливалась на страницах «Лім», и авторы ее находили активную поддержку в драмсекции ССПБ.

Так называемый «актив» драмсекции, руководимой Гурским, состоял из чуждых и враждебных элементов, широко использовавших покровительство Гурского.

Зная болезненное тщеславие Гурского, эти люди до небес превозносили его бездарные и политически вредные пьесы, добивались постановки их в белорусских театрах. Благодарный Гурский расхваливал подхалимов и защищал их всеми доступными ему способами.

Даже после того, как враги были разоблачены и изгнаны, Гурский не нашел нужным на страницах редактируемой им газеты подвергнуть критике вредительскую деятельность своих бывших друзей, показать театральным работникам, где и в чем навредили враги, помочь преодолеть последствия вредительства. Он отделывался общими рассуждениями о вредительстве и упоминанием фамилий уже разоблаченных и изгнанных прохвостов.

Газета охотно занималась слащавыми восхвалениями, критиковала же крайне редко, «деликатно» и несерьезно. Покритиковав в № 15 некого Левитэ из Радиокомитета, газета в № 20 спешит извиниться перед ним; а через некоторое время Левитэ оказывается уличенным в тягчайших преступлениях перед Советским Союзом.

Газета не тревожила критикой и обанкротившееся руководство Управления по делам искусств, преступная деятельность которого на театральном фронте была пресечена без всякого участия «Лім».

В свете всех этих фактов становится непонятным, почему не внушающий никакого доверия, покровительствовавший и помогавший врагам Гурский до сих пор продолжает оставаться редактором газеты.

Над Гурским сейчас не осуществляется никакого контроля. Пользуясь этим, Гурский под флагом принципиальной борьбы занимается на страницах газеты сведением личных счетов, травит тех людей, которые ведут борьбу за оздоровление аппарата Управления по делам искусств, только потому, что они не считают Гурского гениальным драматургом и запрещают его халтурные пьесы.

Почему партийная организация ССП БССР не ставит вопроса о «работе» Гурского? Почему т. Лыньков считает возможным защищать Гурского, вводя, в частности, в заблуждение редакцию нашей газеты своими письмами в защиту обанкротившегося редактора?

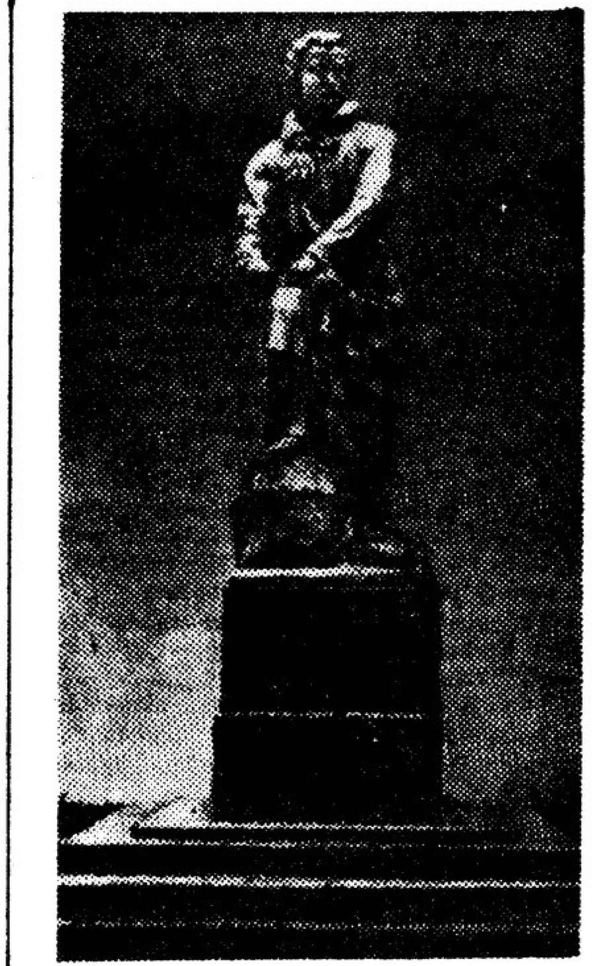
И. ИВ.

Необоснованное обвинение

Секретариат ленинградского союза советских писателей рассмотрел заявление тов. А. Дымшица о дискредитирующем его упоминании в статье «Литературного критика» № 7 — «Агенты троцкизма в литературе».

Секретариат ЛенССП считает данное выступление журнала «Литературный критик» против т. Дымшица **необоснованным.**

Ни общественно-литературная работа т. Дымшица, ни статья «Вредный путаник» («Литгазета» № 30), которую имел в виду «Литературный критик» и в которой т. Дымшиц критикует путаные, антимарксистские теории Берковского, не дают никаких оснований для зачисления т. Дымшица в число авербаховских последышей.

В ознаменование столетия со дня смерти Александра Сергеевича Пушкина правительство Советского Союза постановило воздвигнуть в Ленинграде большой памятник величайшему русскому поэту.

Памятник должен быть поставлен в одном из красивейших мест города Ленина,— между знаменитыми ростральными колоннами, на берегу Невы, против бывшей Биржи.

21 сентября в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве открылась **выставка конкурсных проектов** памятника А. С. Пушкину.

В конкурсе участвуют московские и ленинградские скульпторы—Б. Королев, С. Меркуров, В. Лишев, Л. Шервуд, И. Чайков, Синайский и два скульптора, которые представили свои проекты под девизами.

Сейчас в одном из зал Музея изобразительных искусств выставлено 9 проектов монументальных памятников А. С. Пушкину.

Выставка проектов продлится до 30 сентября.

На снимке: **проект скульптора И. Чайкова.**

Вечер памяти Золя

29 сентября в Доме советского писателя состоится **вечер памяти Эмиля Золя.**

Доклад о великом французском писателе сделает **И. И. Анисимов.**

На вечере выступят В. Ставский, Л. Никулин и др.

Во втором отделении — концерт.

Ответственный редактор Л. М. СУБОЦКИЙ.

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.
РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61.
Издательство: Москва, Страстной бул., 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «Художественная литература»

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ, НА-ДНЯХ БУДЕТ РАССЫЛАТЬСЯ ПОДПИСЧИКАМ И ПОСТУПАЕТ В ПРОДАЖУ

№ 8 (август)

Ежемесячного литературно-художественного и общественно-политического журнала

„ЗНАМЯ"

В номере:
Василий Гроссман. — Повесть о любви.
К. Симонов. — Генерал, стихи.
Гр. Яковлев. — Ложь, рассказ.
Арк. Коган. — Пограничники, стихи.
С. Фоулер-Райт. — Война 1938 г., роман. Перевод Д. Ариан.

ПУБЛИЦИСТИКА
Н. Иванов. — Из истории шпионажа.

ЛИТЕРАТУРА и ИСКУССТВО
С. М. Петров. — Роман Пушкина о 1812 годе.
Н. Жданов. — Борьба и правда.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:
На 3 мес. — 7 р. 50 к.
На 1 мес. — 2 р. 50 к.

Подписка принимается в почтовых отделениях, письмоносцами, а также отделениями, уполномоченными, киосками КОГИЗ'а.

Маленький фельетон

Сказка про литературного мальчика, добрую фею Хвалиму и злого духа Ругая

I

За морями, за горами,
За высокими лесами,
Там, где света виден край,
Жил мальчишка шалопай

Как-то он в глухую ночку
Сочинил четыре строчки
И, переписав стишок,
Вещи уложил в мешок.

Он оставил дома маму,
Папе слова не сказал
Убежал, а после прямо
Шел, куда глядят глаза.

В этот час летела мимо
Фея добрая Хвалима,
На-лету стишок прочла,
Свиток мальчику дала.

А потом сказала фея:
— Разверни листок скорее,
Талисман достала я
Под названием — Статья...

Ты его покажешь дядям
И они, в стихи не глядя,
Принесут бесценный дар —
Самоцветный Гонорар.

А потом тебя погладят,
Смочат розовой водой,
Умиляясь, каждый дядя
Скажет: — милый, молодой...

Понесут твои портреты
И в журналы и в газеты,
Будешь мальчик на виду.
Я не зря тебя веду!

*

Так она ему сказала,
Повернулась и пропала...
Мальчик тяжело вздохнул,
В длинный свиток заглянул...

Видит в нем себя другого,
Не плохого, не такого,
А в жилетке и с венком,
С переизданным стишком.

Фея про него писала,
Что таких талантов мало,
Что мальчишка самобытен,
Зрелый мастер и поэт,
Мол, растите и любите —
Будет Пушкин или Фет...

Мальчик поднялся в зенит,
Стал велик и знаменит,
Он от строчек отучился,
Разжирел и обленился,
Зубы чистить перестал
И стихов писать не стал...

II

Но пришла беда другая
К ним в литературный Рай.
Мальчик разбудил Ругая,
И принес листок Ругай.

Мальчик тяжело вздохнул,
В длинный свиток заглянул.
Видит в нем себя другого
Не большого, не такого,
А мальчишку-сорванца,
Недотепу и глупца.

«В каждой строчке, в каждой точке —
Гниль, болотная вода...
Гений чуши! Вянут уши!
Ересь! Чушь и ерунда!

Бах поленом! Трах коленом!
Молоти попеременно!
Налетай! Кусай! Лягай!»
Так писал о нем Ругай.

Прочитав советы друга,
Мальчик заболел с испуга,
Спать и кушать перестал
И стихов писать не стал!

*

Вани, Мани, Тони, Пети —
Погрустите о поэте —
Ни Хвалимой, ни Ругаем
Не хвалим и не ругаем,
Он бредет, едва шагая.
Он идет и тихо плачет, —
Не поймет, что это значит!

А. РАСКИН
М. СЛОБОДСКИЙ

Изд-во «Художественная Литература» КОГИЗ

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на Критико-библиографический двухнедельник

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Популярный иллюстрированный журнал, связывающий массового читателя с художественной литературой и искусством, дает широкую информацию о всей выходящей литературно-художественной продукции и служит справочным изданием для всех интересующихся литературой и искусством.

Выходит 2 раза в месяц.
Цена номера — 80 коп.
Подписная цена на 3 месяца — 4 р. 80 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ всеми отделениями, магазинами, уполномоченными КОГИЗ'а и всюду на почте.

Изд-во «Художественная Литература» КОГИЗ

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на ежемесячный журнал литературной теории, критики и истории литературы

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК

«Литературный критик» разрабатывает вопросы марксистско-ленинской эстетики, социалистического реализма. Значительное место уделяет творчеству Пушкина и Горького. Дает монографические исследования о ряде советских и иностранных писателей и о путях развития советской литературы.

«Литературный критик» рассчитан на широкий круг читателей, партийный рабочий актив, писателей, критиков и на учащуюся молодежь. Журнал иллюстрируется. Цена отдельного номера 2 руб.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 3 месяца до конца года 6 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: всеми отделениями, магазинами, уполномоченными КОГИЗ'а и всюду на почте.

Уполномоч. Главлита В—29636. Типография газ. «Индустрия». Москва, Цветной бульвар 30.